

EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

**Svazek 1
2. vydání
2014**

•

**EUROPEAN POLITICAL
AND LAW DISCOURSE**

**Volume 1
Issue 2
2014**

Editorial Policy

The *European Political and Law Discourse* – international Journal of International Law, domestic Law of European countries, Political Science, International Relations is a peer reviewed journal with blind referee system, which aims at publishing high quality articles that may bring innovative and significant theoretical, conceptual, methodological and empirical contributions to the fields.

The *European Political and Law Discourse* has a particular interest in interdisciplinary approaches to law and political spaces, whether through comparative or single case-study analysis, but by no means restricts its interests to these spaces, welcoming any relevant contribution from and about different parts of the World.

The *European Political and Law Discourse* accepts original articles which are not under consideration elsewhere at the time of submission.

Editorial Committee:

Oleksandr Merezhko, PhD, Doctor of Law, Professor, Andrzej Frycz Modrzewski Cracow Academy

Bertrand Mathieu, Doctor of Law, Professor at the Université Panthéon, Sorbonne, Paris I, President of the French Association of Constitutional Law, member of the High Council for the Judiciary of France

Volodimir Kuzmenko, PhD, Doctor of Law, Professor, National University of State Tax Service

Olena Grynenko, PhD, Doctor of Law, Institute of International Relations, Kyiv National Taras Shevchenko University.

Borys Babin, PhD, Doctor of Law, Odessa National Maritime Academy

Pavol Hrivík, PhD in European and Global Studies, Alexander Dubcek Trencin University

Marina Nahum, PhD in Anthropology, London School of Economics

Nick Polyovyy, PhD, Doctor of Political Science, Professor, National University «Odessa Law Academy»

Evgen Tcokur, PhD, Doctor of Political Science, Professor, Zaporozhye National University

Galina Kuz, PhD, Doctor of Political Science, Professor, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

Administrative Editor

Iana Chernopyshchuk, PhD in constitutional and municipal law, European Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine

EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

Vydavatel: Jižní Palmíra, družstvo

Adresa: Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,

okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Zapsáno do evidence: 27.11.2013

Table of contents

Oleksandr Merezhko, LEGAL HERMENEUTICS AND METHODOLOGY OF LAW	4
Maksym Manko, SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF HUMANITY FOR THE PROTECTION OF CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS, LOCALITIES AND ZONES UNDER INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW	11
Nadiya Zubchenko, PHILOSOPHICAL LEGAL GROUNDS OF THE REGULATION OF ANIMAL WELFARE IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW	19
Yana Tytska, EDUCATIONAL LEGAL RELATIONS AS A CATEGORY OF JURISPRUDENCE	26
Oleksiy Povar, RIGHTS OF A CHILD IN PHILOSOPHICAL AND LEGAL HERITAGE OF S. J. HESSEN	36
Natalia Pashina, LEGITIMACY OF AUTHORITY AS A FACTOR OF POLITICAL IDENTIFICATION OF UKRAINIAN CITIZENS	45
Vladislav Varinsky, TRUST AS A COMPONENT AND PREREQUISITE OF SOCIAL CAPITAL	55
Olga Alalikina, THE MECHANISMS OF ROTATION OF POLITICAL ELITES IN A DEMOCRATIC SOCIETY	65
Sergey Lazarev, THEORY OF RESOURCE MOBILIZATION IN THE FRAMEWORK OF POLITICAL INTERACTION	74
Irina Zabelina, THE NOTION AND MAIN FEATURES OF MILITARY AND POLITICAL CRISES	82
Article review	
Vladimir Antipenko, Olga Shirokova-Murarash, INTERNATIONAL CANON LAW: ACTUAL PROGNOSTICS OF THE CIVILIZATIONAL SCOPE	92
REQUIREMENTS TO MANUSCRIPTS	98
REQUIREMENTS TO MANUSCRIPTS (in russian).....	103

Oleksandr Merezhko, prof., Dr Hab.

LEGAL HERMENEUTICS AND METHODOLOGY OF LAW

The article is devoted to the concept of legal hermeneutics and its fundamental aspects. Among these aspects the author pays particular attention to such as: gnoseological, semiotic, dialectical, dialogical, anthropological, phenomenological and conflictological aspects. Considering major problems of legal hermeneutics, the author comes to conclusion that legal hermeneutics transforms the law into real art, as the Roman lawyers would have put it: the art of good and justice.

Legal hermeneutics is one of the most fruitful methods for cognition of law. It occupies a special place in the methodology of law since the science of law is a discipline mainly preoccupied with «interpretation» and «understanding». Jan Schapp, a German expert in civil law, believes that the science of interpretation of law is one of the cornerstones of legal methodology¹.

Legal hermeneutics, in its widest sense, is a science of interpretation and application of legal rules and it arises from philosophical hermeneutics. However, the concept of hermeneutics is open to several distinct interpretations. Legal hermeneutics does not suggest any universal or dogmatic theory of hermeneutics. It represents an attempt to discover the conditions of human understanding which are not subject to reduction².

According to Gadamer, the main objective of hermeneutics is not to develop a set of rules and procedures for textual interpretation but rather to identify what is actually happening to the interpreter beyond his desires and actions in the process of interpretation. Therefore, philosophical hermeneutics sets an ontological objective: to explain the relation between the text and the interpreter, the past and the present, today and the future, i.e. those hermeneutical relations that underlie the understanding. The main concepts of legal hermeneutics include understanding, interpretation, legal text and context.

According to Gadamer's theory, the hermeneutical process consists of three main operations: (1) application, (2) understanding and (3) interpretation.

As far as the application of law is concerned, a famous Russian lawyer Pilenko believes that «in any application of the law, there is a place

¹ See: Шапп, Я. (1996). *Основы гражданского права Германии*. Москва, 14.

² Leyh, G. (1992). *Legal Hermeneutics. History, Theory, and Practice*. Berkley/Los Angeles/Oxford, xii.

left by the legislator for individual creativity»¹. In his opinion, a judge is creating the law within the framework set by the law (and ascertained by general hermeneutical means).

Understanding (mutual understanding) in hermeneutics depends on: (1) the degree of unity among members of hermeneutic community and (2) a genuine aspiration for mutual understanding, i.e. a disposition towards genuine and rational communication as opposed to the strategic type of behavior (Jurgen Habermas).

Legal hermeneutics typically applies the principle of «sufficient understanding» which implies that an absolutely correct understanding is not only unrealistic but is probably not even necessary. Instead, an interpreter of a legal text may be satisfied with such level of understanding of the text which is sufficient to resolve a specific dispute or problem and is not manifestly unfair.

Interpretation in legal hermeneutics is a set of means applied to products of human spirit in order to understand them².

In Gadamer's view, interpretation is not an act accidental and complementary to understanding. Rather, understanding is always an interpretation and therefore the interpretation is an explicit form of understanding³.

What is the goal of interpretation of law in legal hermeneutics?

Two major theories of legal science disputed for years on this issue: the subjective theory believes that interpretation is meant to discover the historical will of the legislator, while the objective theory maintains that interpretation should reveal the normative or objectively understandable meaning of the law.

At present, a mixed subjective-objective theory is dominating in interpretation of law. According to this theory, «it is necessary to ascertain, on the basis of the legislator's historical will, what could be the current meaning of the law when reasonably interpreted»⁴.

From the perspective of hermeneutics, law is also a specific legal language that represents a certain mutual understanding.

In the framework of such a complex and multifaceted phenomenon as legal hermeneutics, one can distinguish various dimensions and aspects that point to its ties with other disciplines. Let's discuss some of these aspects that seem to be the most important.

¹ Пиленко, А. А. (2001). *Право изобретателя*. Москва, 73 – 74.

² Васьковский, Е. В. (2002). *Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов*. Москва, 80.

³ Gadamer, H. (1982). *Truth and Method*. New York: Crossroads, 274 – 275.

⁴ Шапп, Я. (1996). *Основы гражданского права Германии*. Москва, 15.

Fundamental aspects of legal hermeneutics

1. Gnoseological aspect

Gnoseology (theory of knowledge) maintains that there are three possible sources of knowledge about the outer world, including the law: (1) sentient experience, (2) reason and (3) intuition¹. These three sources of knowledge ultimately lead to the following worldview doctrines: materialism (or philosophical empiricism), idealism (or philosophical rationalism) and intuitionism which is close to the phenomenology of law.

Given this, legal hermeneutics may base itself respectively on understanding and interpretation of law (1) from the perspective of its material content (material interests), (2) from the perspective of legal concepts and constructs of legal logic with the help of which the science of law tries to embrace the law, and (3) through intuitional insight into the substance of law and its relations with the real life.

While the first perspective is close to such theories as Marxism and «jurisprudence of interests», the second one is related to legal positivism and «jurisprudence of concepts». As far as intuitionism is concerned, it stands closely to legal existentialism.

2. Semiotic aspect

According to Petrazhysky's psychological theory of law, the law – in the form of legal emotions – is objectified and symbolically expressed as non-psychic signs of legal nature (legal symbols)

In this case, we deal with legal semiotics, that is a set of theories studying legal sign systems.

The importance of such type of legal signs as legal symbols is widely recognized. With its help, the government influences its subjects at the subconscious level. Russian philosopher and jurist Vysheslavtsev wrote: «The law is hardly capable to influence [the human mind]. The law is not able to deal with the subconsciousness. Any negative influence is rejected, and the law largely consists of prohibitions. To cope with this defect, the government drapes the law in images and symbols capable of causing influence: «mirror», judges' robes, solemn ceremony of the court session, guards, etc.»²

Legal hermeneutics and legal semiotics are essentially the two sides of the same coin since hermeneutics interprets legal signs.

¹ Савальский, В. А. (1908). *Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Натопф, Штаммлер и др.* Москва, 3.

² Вышеславцев, Б. П. (1994). *Этика преобразенного Эроса.* Москва, 77.

3. Dialectical aspect

Any legal dispute represents a conflict of fundamental principles of law, which cannot be resolved within the framework of these principles since they often point to opposite directions.

The law is deeply antinomic in this sense. It consists of antinomies such as the fact and the norm, public and private law, etc.

Let's consider the principles of modern international law as an example. They represent a system of antinomies. It means that in practice these principles may come into conflict with each other. In other words, their relationship is antinomic.

Thus, the principle of sovereignty of states may come into conflict with other principles such as the principle of equality of states and principles of maintenance of peace and international security; the principle of territorial integrity of states may conflict with the principle of national self-determination; the principle of non-interference of states into internal affairs of each other may go against the principle of respect for human rights; the principle of *pacta sunt servanda* may contradict the rule of *rebus sic stantibus*, etc.

Therefore, every now and then, we come across a conflict (collision) of principles and values of international law, which appeals to human will and requires resolution by adequate means, including interpretation.

Only hermeneutics, as a means of dialectical synthesis of legal antinomies, is able to overcome these antinomies.

4. Anthropological aspect

Legal anthropology is a science about the human being as a social being taken in his legal dimension and it studies legal forms of social life of people from the ancient times until today (Nersesiants). This science is the basis of legal hermeneutics because one can comprehend and interpret the law only with a certain idea and concept of a human being in mind. Legal hermeneutics is both anthropological and anthropocentric in its essence because the understanding of law is ultimately the self-understanding of society and human being.

Hermeneutics occupies a remarkable place in legal anthropology. For instance, a famous representative of legal anthropology Norbert Rouland wrote the following about the hermeneutical element of the African law: «Legal rules born by myths and customs may require interpretation for their best application. Normally, the interpreters are the respected members of the society and senior individuals who are to remind (most often

during conflict resolution) of the fundamental rules or derive them from the observational manner of behavior»¹.

Therefore, the interpretation and understanding inevitably pass through the prism of legal anthropology.

5. Axiological (value) aspect

The law is always based on certain social and legal values, in the context of which legal rules are interpreted and applied. As the German philosopher of law Gustav Radbruch underscored, «the law can only be understood in the framework of concepts related to values. The law is an element of culture, that is a fact related to the concept of value.»²

Social and legal values guide the hermeneutical process and set its margins. The law by itself is also an important social value. However, it coexists with other social values which seek to embody in the law.

In the framework of hermeneutical process, things are legally evaluated and classified.

6. Dialogical aspect

The hermeneutical process is always dialogical since it represents a dialogue between the interpreter and the interpreted. Hermeneutics, just like the god Hermes, is a dialogue mediator – between the interpreter of the legal text and the creator of the text – reaching out through time and space.

Dialogical approach dominates in modern hermeneutics. Dialogical aspect of legal hermeneutics is especially vivid in international private law where legal systems of different states carry on a dialogue to overcome collisions between the systems.

7. Conflictological aspect

Legal hermeneutics can be viewed as a means of social conflict resolution. While interpreting legal rules, the interpreter should keep in mind that the interpretation must not escalate social conflicts but facilitate their effective resolution. This function of legal hermeneutics logically follows from the function of the law as a means of resolution of conflicts arising between interests of subjects of law.

The problem of interpretation of international treaties in different languages may serve a good example proving the conflictological aspect in legal hermeneutics. Thus, according to Article 33(4) of the Vienna

¹ Рулан, Н. (2002). *Юридическая антропология*. Москва, 59.

² Радбрух, Г. (2004). *Философия права*. Москва, 16.

Convention on the Law of Treaties, when a comparison of the authentic texts discloses a difference of meaning, the meaning which best reconciles the texts shall be adopted. In other words, this approach shows that legal hermeneutics in international law attempts to prevent potential international conflicts that may arise due to different interpretation of rules in the law of treaties.

8. Phenomenological aspect

Russian philosopher Aleksey Losev wrote: «Phenomenology is a pre-theoretical description and formulation of all possible types and degrees of meaning comprised in a word, based on their adequate perception, i.e. perception in the eidos.»¹ He believed that the only method of phenomenology is to cast away any particular manifestations of any phenomenon (the law – in our case) and then grasp and focus on whatever is the same in all its manifestations.²

In order to understand the law as a phenomenon of social and human consciousness, it is necessary to apply Edmund Husserl's phenomenological reduction which represents a series of stages meant to «refine the consciousness» and help us focus not on existence but the substance of law.³ Without rejecting the reality but by «taking it in brackets» together with all judgments of common sense or science, we finally obtain the ideal substance, the eidos of law (i.e. the sense of law directly given to us). In fact, we talk here about the intuitive vision of the substance of law, just like a mathematician visualizes the ideal substance of geometrical figures. By making the law ideal and extracting its refined substance, we obtain some kind of a standard model for cognition and interpretation of all legal phenomena.

From the phenomenological perspective, in order to understand the law as appearing in its distinct branches, it is first necessary to create an eidetic science of law that would help to clarify the initial subject of study, i.e. the law itself.

Adolph Reinach tried to create such eidetic science of law as an *a priori* discipline. He wrote: «An *a priori* theory seems to be absolutely necessary to understand positive law as such. Until we believe that positive law develops all legal notions by itself, we will face an unsolvable

¹ Лосев, А. Ф. (1990). *Философия имени*. Москва, 190.

² Лосев, А. Ф. (1990). *Философия имени*. Москва, 191.

³ See: Руткевич, А. М. (1999). Эдмунд Гуссерль. *Философы двадцатого века*. Москва, 47 – 48.

mystery. The structure of positive law could only be understood through the structure of the sphere that goes beyond positive law.»¹

Therefore, by analogy to Kant's theory, while positive law is viewed as embodiment of certain empirical experience of society, the empiric nature of the law must have some non-empiric *a priori* foundations which help to systematize and organize the legal experience and based on which the hermeneutical process is carried on.

Certain problems of legal hermeneutics

I believe the following are the most significant problems of modern legal hermeneutics.

First is the problem of the relationship between interpretation and law making. Is there a more or less clear-cut line between interpretation and law making? Where does interpretation end and law making begin?

Interestingly enough, the answer to this question also lies within the hermeneutic field, i.e. the interpretation itself.

The second problem of legal hermeneutic is identification of *a priori* foundations that underlie the mutual understanding and understanding within a hermeneutical community and between distinct hermeneutical communities. Where are those foundations? Are they to be found in some legal archetypes of collective subconsciousness or some natural law?

To end this review of certain issues of legal hermeneutics, I would like to note that, in my opinion, legal hermeneutics transforms the law into real art, as the Roman lawyers would have put it: the art of good and justice (*jus est ars boni et aequi*).

¹ Райнах, А. (2001). Априорные основания гражданского права. *Собрание сочинений*. Москва, 160.

Максим Манько

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ГУМАННОСТИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ, МЕСТНОСТЕЙ И ЗОН ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

The article deals with the practical application of the principle of humanity as the main principle of international humanitarian law to protect the most vulnerable categories of persons during war. The author reviews the practice of creating neutralized zones and undefended localities as a means to protect the civilian population from the consequences of an armed conflict. It is argued that principle of humanity in close connection with principle of differentiating determines regime of legal defense, given to the persons, sheltered on Geneva conventions about defence of victims of war 1949 and some other sources of international humanitarian law.

Международное гуманитарное право (далее – МГП) призвано, главным образом, защищать лиц, не принимающих непосредственного участия в вооружённом конфликте, и лиц, которые в силу обстоятельств (как правило, связанных с состоянием здоровья) не могут больше принимать в нём участие. Первую группу таких покровительствуемых лиц представляет гражданское население. Ко второй группе лиц относятся раненые, больные, военнопленные и потерпевшие кораблекрушение. Все эти лица представляют отдельную категорию в МГП – жертвы войны, и они пользуются особой защитой и уважением. Кроме того, под защитой Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и соответствующих положений Дополнительных протоколов к ним 1977 г. находятся особенно уязвимые к негативному воздействию войны лица – женщины (роженницы и кормящие матери), дети, лица преклонного возраста, а также лица, которые играют особенно важную роль в ходе конфликта, при этом не принимая прямого участия в военных действиях – медицинский и духовный персонал.

Главным и одним из основных принципов МГП является соблюдение сторонами конфликта принципа различия, согласно которому стороны должны стремиться отличать гражданское население и объекты от военных с целью защиты первых, не нападения на них. Принцип различия закреплён в различных документах и источниках (религиозные эдикты, законы, философские убеждения) и, как было

указано, основывается на убеждении, что неправильно убивать людей, которые не принимают участие в военных действиях¹.

История знает примеры воплощения в жизнь наиболее жестокой стратегии обращения с жертвами войны – концепцию тотальной войны, направленной на полное уничтожение ресурсов страны или армии (как в знаменитом изречении «Карфаген должен быть разрушен»). Тотальная война основывается на идее, что полное уничтожение инфраструктуры, массовые убийства гражданского населения позволит обеспечить полную победу над противником, ведь этот тип войны полностью опирается на принцип деморализации и терроризирования населения. Примером тотальной войны может послужить война между Ираном и Ираком: несмотря на некоторую сдержанность в начале военных действий, оба государства продемонстрировали реальную готовность полностью уничтожить друг друга во время войны в 1980-х гг.

Развития этого института стало показателем развития МГП в целом, переноса акцента на его «гуманность». Так, ещё в середине XIX века встал вопрос оказания помощи пострадавшим в бою солдатам: стали отмечать негативную тенденцию к обстрелу артиллерийскими снарядами полевых госпиталей, а также убийству местного населения; забота о раненых и больных одной из воюющих сторон постепенно перестало расцениваться как пособничество врагу². В целом, ужасы войны, увиденные собственными глазами, спровоцировали А. Дюнана сформулировать предложения, направленные на улучшение судьбы раненых комбатантов во время вооруженного конфликта, с которым он и его единомышленники, ставшие основателями в 1863 году Международного комитета помощи раненым (ныне – Международный Комитет Красного Креста) и обратились к государствам. В результате, 22 августа 1864 г. на дипломатической конференции в Женеве была принята Конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Таким образом, произвол войны был впервые значительным образом ограничен: санитарные и полевые госпитали в условиях сухопутной войны признавались нейтральными и пока оказывали защиту и помощь раненым и больным сами подлежали защите со стороны всех участников военных действий; медицинский персонал также получил согласно конвенции нейтральный статус – он также не мог

¹ Давид, Э. (2011). *Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций*. Москва: МККК, 270-275.

² Калугин В.Ю. (2006). *Курс международного гуманитарного права*. Минск: Тесей, 168.

быть захвачен в плен, обстрелян; медицинский транспорт, госпитали и личный состав подразделений, которые собирают и эвакуируют раненых, получили отличительный знак в виде флага или нагрудной повязки единого типа с изображением красного креста на белом фоне; собственно, раненым и больным комбатантам, любой из сторон предоставлялась необходимая защита и лечение. Дальнейшее развитие этот институт получил с принятием IV Гаагской конвенции 1907 г., I, II, III Женевских конвенций 1949 г., а также Дополнительных протоколов к ним 1977 г.

В современном международном гуманитарном праве принцип гуманности имеет три составляющие:

1) обязанность с уважением относиться к лицам, не участвующим в вооруженном конфликте, то есть воздерживаться от поведения, которое может нанести вред таким лицам, угроз в их отношении, унижений и т. д.;

2) обязанность защищать этих людей, то есть обязанность активного поведения, заключающаяся в защите этих лиц от бедствий и страданий, сопровождающих вооруженный конфликт, а также защищать их от опасностей (например, эвакуировать военнопленных из зоны активных боевых действий);

3) обязанность относиться к защищенным лицам без дискриминации по критериям, запрещенным международным правом (национальность, религиозные или политические убеждения, раса, пол, социальный статус и т.д.). Вместе с тем, МГП может требовать различного отношения к покровительствуемым лицам по объективно обоснованным критериям или болезни которых являются наиболее тяжелыми; во время военного плена офицеры пользуются рядом преимуществ по сравнению с рядовым составом и т. п.)¹.

Конкретное применение принципа гуманности при разных обстоятельствах детально регулируется ЖК I-IV и дополнительными протоколами к ним 1977 г. Однако в любом случае этот принцип будет требовать отношения к личности как к цели, а не как к средству, и в объективно тяжелых обстоятельствах каждая лицо должно получить возможность сохранять минимальную достоинство.

Раненые, больные и потерпевшие кораблекрушение должны постоянно получать помощь и защиту от воюющих сторон. «Раненые и больные» – гражданские лица или военные, которые вследствие болезни, ранения или иного физического или психического

¹ Kolb, R., Hyde, R. (2008). *An Introduction to the International Law of Armed Conflicts*. – London: Hart, 45-46.

заболевания либо инвалидности нуждаются в медицинской помощи или уходе, например беременные женщины, воздерживаются от какого-либо участия в боевых действиях (статья 8(a) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (далее – ДП I)). Как следует из этого определения, жертвы войны – лица, которые требуют особого медицинского ухода или не могут быть привлечены к участию в военных действиях. Последний критерий также был распространен и на лица, потерпевшие кораблекрушение (военнослужащие, гражданские лица, которые подверглись опасности на море или других водах, в результате бедствия, произошедшего с ними или с судном / летательным аппаратом (статья 8(b) ДП I)).

Стоит отметить, что положения Женевских конвенций применяются в зависимости от того, входит ли раненый, больной или потерпевший кораблекрушение в личный состав вооруженных сил или является гражданским лицом. При этом, вышеупомянутое различие не предусмотрено Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающимся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера 1977 г. (далее – ДП II).

ДП I объединяет все подкатегории по принципу защиты лиц, не выделяя лица, относящиеся к регулярной армии или гражданскому населению¹:

1. Все раненые, больные и лица, потерпевшие кораблекрушение, пользуются защитой независимого от того, к какой из сторон конфликта они принадлежат;

2. При всех обстоятельствах с ними обращаются гуманно и предоставляют им в максимально возможной мере и в кратчайшие сроки медицинскую помощь и уход, которых требует их состояние. Между ними не проводится никакого различия по каким бы то ни было соображениям, кроме медицинских (статья 10 ДП I).

Гуманность, вытекающей из уважения и защиты, становится фундаментальным принципом, применяемым к жертвам войны. Таким лицам должна предоставляться необходимая помощь, их нельзя оставлять и позволять умирать без всякой попытки спасения, даже если речь идет о противнике. При этом не стоит кого-то выделять, ко всем пострадавшим нужно относиться ровно, помогать и защищать.

¹ Гассер, Х.-П. (1995). *Международное гуманитарное право. Введение*. Москва: МККК, 41.

Принцип не дискриминации – один из ключевых в деятельности Международного комитета Красного Креста (далее – МККК). Он означает недопущение разницы в отношении, вызванной такими особенностями как раса, цвет кожи, язык, национальность, социальное и имущественное положение или другие подобные критерии [2, с. 170]. Медицинская помощь должна предоставляться только на основании критерия неотложности.

Стороны все время и особенно после боя должны сделать все необходимое, чтобы разыскать раненых и больных, и оказать им необходимую медицинскую помощь. Раненые, которые остались на поле боя, должны быть подобраны и эвакуированы. В зависимости от необходимости, воюющие стороны могут договариваться об обмене ранеными. Стороны также могут заключить соглашения об эвакуации раненых, больных с осажденной или окруженной зоны, о допуске к этой зоне медицинского и духовного персонала и имущества.

Особого внимания заслуживает статус и режим военнопленных во время вооруженного конфликта. Большинство норм в этом ключе является обычными, произведенными на основе уроков, вынесенных в результате Первой мировой войны. Одним из ключевых вопросов повестки дня Дипломатической конференции, созванной по инициативе МККК в 1929 г., стало именно обращение с военнопленными. В результате была принята Конвенция об обращении с военнопленными 1929 г. и определены правила, согласно которым следует с ними обращаться. Так, было полностью запрещено репрессалии, а также закреплен принцип международной проверки соблюдения указанных норм.

К сожалению, международному сообществу не удалось избежать Второй мировой войны, в ходе которой стало очевидными, в частности, что положения вышеупомянутой конвенции требуют расширения и дополнения. Вопрос защиты военнопленных был рассмотрен в ходе Дипломатической конференции в 1949 г. и в результате была принята Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г. (далее – III Женевская конвенция). В целом, эта конвенция содержит один важный тезис – с военнопленными необходимо обращаться гуманно¹. Дальнейшее развитие этот режим приобрел в Дополнительных протоколах I и II 1977 г., в которых предусмотрен принцип недискриминации. Кроме того, был заполнен большой

¹ Калугин, В.Ю. (2006). *Курс международного гуманитарного права*. Минск: Тесей, 181.

пробел относительно режима военнопленных в ходе конфликтов немеждународного характера.

Предоставление защиты гражданскому населению в безопасных районах является спорной, но полезной стратегией, особенно для внутренне перемещенных во время конфликта лиц. Эти безопасные районы называются зонами безопасности, или убежищами (на английском часто фигурирует название «safe havens»). Создание возможностей для ведения войны с воздуха частично объясняет развитие концепции зон безопасности в МПП: население находится в безопасности в пределах этих охраняемых территорий, ведь там не происходят военные действия.

Первые попытки создать зоны безопасности имели место во время Второй мировой войны, но они были напрасными. Предлагались к принятию проекты по их созданию, защите госпиталей. Однако никаких соглашений так и не было принято, и в результате воздушные бомбардировки приводили к многочисленным потерям среди гражданского населения.

Безопасные зоны были созданы под эгидой МККК, когда вспыхнул Израильско-палестинский конфликт. В то время действовали три зоны с использованием эмблемы Красного креста для их разделения. Женщины, дети и люди преклонного возраста были временно размещены в этих зонах во время военных действий. Создание убежищ и зон с усиленной охраной предусматривалось положениями IV Женевской конвенции и ДП I. Есть четыре типа зон (две предусмотренные конвенцией и две – протоколом): безопасные, санитарные, нейтрализованные и демилитаризованные зоны.

ООН также внесла вклад в развитие и распространение концепции зон безопасности. Печальные события в Сребренице могут послужить примером. 16 апреля 1993 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 819, которая предусматривала, что «все стороны и другие заинтересованные участники рассматривают Сребреницу и ее пригород как зону безопасности, в пределах которой не ведутся боевые действия или другие вооруженные столкновения»¹. Миротворческие войска ООН и другие войска прибыли в Сребреницу для защиты города. Однако, создание этой зоны не помешало в июле 1995 г. произойти самому широкомасштабному истреблению местного мирного населения со времён Второй мировой войны².

¹ Resolution 819, United Nations Security Council (16 April 1993).

² *Prosecutor v. Krstic*, Judgment Case No. IT-98-33 [2001]; Ludwig, U., Mertin, A. (2007). Srebrenica Massacre Survivors Sue Netherlands. *Der Spiegel*, 5 June.

Статьей 14 IV Женевской конвенции предусмотрено создание санитарных зон и зон безопасности для защиты специальной категории гражданского населения от последствий военных действий. Когда начинаются боевые действия или во время конфликта, стороны призываются к созданию безопасных зон и местностей. Государства – покровители, а также МККК отвечают за эти зоны с целью защиты больных, раненых, престарелых, малолетних детей (дети до 15 лет), беременных женщин и матерей, имеющих детей в возрасте до 7 лет.

Первой и Четвертой Женевскими конвенциями предложено создание таких зон, даже в мирное время. В приложении к последней предполагается проект соглашения о создании соответствующих зон во время конфликтов. За помощью в этом можно обратиться к МККК. Населенные пункты должны быть обозначены специальными эмблемами, размещенными на виду. В случае, когда эмблему не продемонстрировано, это может рассматриваться как вероломство и является серьезным нарушением МГП, может быть приравнено даже к военному преступлению (статья 85 ДП I). В качестве примера зон безопасности можно привести отель в городе Пномпень, Камбоджа (1975 г.), в период жесточайшей гражданской войны в стране, однако, он не выполнил своей миссии обезопасить гражданское население¹. Еще одна зона была открыта в 1992 г. в больнице города Осиек, Хорватия: город оказался в центре военных действий, и больница постоянно подвергалась бомбардировкам. Другой попыткой создать зону безопасности в 2009 г. – больницы, расположенные в Шри-Ланке, когда правительство пыталось уничтожить тамильских тигров.

Статья 15 IV Женевской конвенции предусматривает создание нейтрализованных зон, предназначенных для защиты от последствий войны, как гражданского населения, так и выбитых из строя комбатантов. Эти зоны могут быть созданы непосредственно или за счет нейтральных государств или гуманитарных организаций любой стороной конфликта. Если они проживают в пределах зоны, они не могут работать на военных. Стороны конфликта самостоятельно определяют относительно местоположения, времени создания и внутренних правил для таких зон. В 1992 г. стороны конфликта в Хорватии при содействии МККК создали две нейтральных зоны в г. Дубровник – одну в больнице, а другую в монастыре².

¹ Landgreen, K. (1995). Safety Zones and International Protection: A Dark Grey Area. *International Journal of Refugee Law*, 436–458.

² Yamashita, H. (2004). *Humanitarian Space and International Politics: The Creation of Safe Areas*. – London: Ashgate, 204.

В целях обезопасить гражданское население и защитить гражданские создаются необороняемые местности. Несмотря на то, что понятие необороняемой местности не ново, четкую формулировку оно получило лишь с принятием ДП I. Статьей 59 ДП I предусмотрено создание необороняемых местностей, в пределах которых не могут иметь место боевые действия. Для их обозначения должны использоваться специальные знаки (статья 59 (5 – 7)). Существуют строгие правила поведения в этих зонах: должны быть эвакуированы все комбатанты, оружие и военная техника, запрещено использование стационарных военных объектов, военные действия запрещены и особенно те, которые направлены против населения; нельзя оказывать поддержку военным операциям. В случае не соблюдения хотя бы одного из этих условий, населенный пункт теряет статус охраняемой зоны и превращает в законную военную цель.

Демилитаризованные зоны создаются в соответствии со статьей 60 ДП I. В их пределах также предусмотрен запрет военных операций и любые военные действия. Эти зоны определяются сторонами конфликта. На создание зоны можно получить прямое согласие в устной или письменной форме через государство-покровителя или беспристрастную гуманитарную организацию, которой может выступать Международный комитет Красного Креста. При этом должны соблюдаться следующие же условия: отсутствие оружия и любой военной техники, а также комбатантов. Гражданское население должно находиться в безопасности. Если в зоне присутствуют полицейские подразделения, то они должны действовать исключительно в рамках обеспечения поддержания законности и правопорядка. Ни одна из сторон не может использовать эту зону, даже если боевые действия происходят в непосредственной близости от нее.

Таким образом, принцип гуманности в тесной связи с принципом проведения различия определяет режим правовой защиты, предоставляемой лицам, покровительствуемым по Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. и ряду других источников международного гуманитарного права. Создание различных зон, пользующихся защитой от нападения, остаётся не только теоретически, но и практически значимым способом обеспечить реализацию основных гуманных идей, пронизывающих международно-правовое регулирование ведения военных действий.

Nadiya Zubchenko

PHILOSOPHICAL LEGAL GROUNDS OF THE REGULATION OF ANIMAL WELFARE IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

The article describes philosophical, ethical and teoretical grounds of legal regulation of animal welfare. A part of attention paid to the international and national reglamentation of animal welfare. A research also deals with the analysis of the legal regulation in the area of the treatment of animals in Ukraine and perspectives of its development. Analysis of the Law of Ukraine «On the Protection of Cruelty to Animals» allows to conclude about an integrated approach to the protection of animals from abuse, the systematic nature of the rules and mechanisms for their implementation. Actually adoption of the Law of Ukraine formed a new legal institute associated to the treatment of pets. Previously, these matters were governed by separate norms of administrative and partly of the criminal law relating to criminal liability for cruelty to animals.

The issues of treatment of animals and their protection from cruelty attracted attention of many philosophers (A. Schweitzer, J. Locke, I. Kant), writers (B. Shaw), politicians (Abraham Lincoln), and lawyers. There has been a shift from the ideas on the intrinsic value of nature, necessity of its conservation, the value of any living organism to reasoning of the necessity for animal welfare as an integral part of the nature. Naturally, the majority of initial attention was paid to domestic and farm animals, but later the animals located in their natural environment have also become the object of protection.

The ideas of outstanding humanistic philosophers could not but touch such a sphere, as relation to nature as a whole, and treatment of animals in particular. The ethics of A. Schweitzer's «reverence for life», in which there is no distinction between higher and lower, or more valuable or less valuable life¹ gets the increasing development in the global community. For a deeply moral human being every form of life is sacred. A. Schweitzer paid special attention to the anthropomorphic overcome of the limitations of his predecessors, and to the dissemination of the Biblical commandment «do not kill» outside interhuman relations.

J. Locke and I. Kant saw a direct connection between cruelty to animals and violence directed on people². Kant considered that «cruelty to

¹ Швейцер, А. (1973). *Культура и этика. Этика благоговения перед жизнью*. Москва: Прогресс.

² Локк, Дж. (1913). *Мысли о воспитании*. Москва: Книгоизд. К. И. Тихомирова.

animals is contrary to the human obligation to himself, because it kills the compassion for the sufferings of others, which is very helpful in relations with other people»¹.

As earlier applied to human rights, the philosophical ideas of animal welfare were reflected in law, initially in domestic, and then in international. Similar processes occur currently to consolidate the standards for animal welfare – initially in the legislation of separate states (Germany, Austria, Great Britain, Finland), and then at the regional level (Council of Europe), in the activities of international non-governmental organizations. The next step should be a global (universal) level of standards of treatment of animals, where the protection of animals would be a requirement for a modern developed state because an important cooperation of States, their agencies, and international organizations for the protection of animals and providing them with a decent existence and welfare is increasingly growing now².

Despite the existence of philosophical and ethical imperative of humane treatment of animals and its legal consolidation, a problem of cruelty to animals is still urgent. Cruelty to animals can appear in many ways, but the legal regulation aimed primarily at protecting animals from unnecessary suffering, mutilation, groundless killing and at creating decent living conditions and animal welfare.

Issues of relation to the nature have always been in the spotlight of philosophers, but only in the XX century they were embodied in a number of concepts and reflected in social relations. The humanization of social relations³ to a certain degree contributed also to the humane treatment of animals⁴.

In the first half of the XX century the problems of animal protection against abuse actualized, and its main idea nominated the necessity of prohibition of animal experiments (vivisection). Many scientists and writers view that vivisection is contrary to the moral principles of the society and should be prohibited due to the animals' right to life and health. In the late XIX – early XX century in Great Britain the opinion against vivisection was expressed by such writers as A. Tennyson (who was the vice-president of the National Antivivisection Society) and

¹ Кант, И. (1999). *Метафізические начала естествознания*. Москва: Мысль.

² Короткий, Т. Р., Химченко С. А. (2003). Правовое регулирование охраны домашних животных в Украине *Актуальні проблеми політики*, 16, 231-236.

³ Короткий, Т. Р. (2008). Гуманизация международного права *Наукові праці Одеської національної юридичної академії*, 7, 170-182.

⁴ Буткевич, О. В., Короткий, Т.Р. (2013). *Передмова до Європейської конвенції про захист домашніх тварин*. Одеса: Фенікс, 3-5.

R. Browning; J. Golsuorsi, T. Hardy; this movement was supported by outstanding actors, artists. Bernard Shaw was also strongly against vivisection. Later this idea grew into a concept of animal rights.

The concept of animal rights was proposed in the second half of the XX century, and today has several interpretations. T. Regan proves the animal rights from the position of logic because, in his view, animals have the right to the needs and realization of their natural purpose. According to T. Regan, as animals have moral status (i.e., the status of a «being»), they also have the rights¹. P. Singer considers the fundamental principle of moral philosophy – equal respect to interests – as applicable in respect of animals². Doctor of Theology E. Linzy defends animal rights from the standpoint of the Christian religion. He examines three aspects of the relationship to animals: respect for life, a living being, man's responsibility to animals and the animal rights³. E. Linzy based his arguments on the philosophy of A. Schweitzer, further substantiating his arguments referring to the religious texts. The most in-depth research of the status of animals was carried out by Dr. Richard Ryder, President of the Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals, in the book «Animal Revolution» (1989). R. Ryder traces the history of the movement to protect animals, starting from the history of man's relationship to animals in ancient civilizations and ending with the modern concept of animal rights⁴.

Thus, we can conclude that the concept of the need of animal welfare system found its philosophical and ethical substantiation and consolidation in the first half of the twentieth century, and formed the basis for a social movement to protect animals and the justification of the need of legal regulation of animal protection.

At the present stage, the topic of humane treatment of animals has significantly actualized. The improvement in the quality of legal acts in this sphere of regulation has been noted, that directly leads to an increase of scientific interest in the subject matter, and not only among domestic but also foreign researchers.

¹ Regan, T.(2003). *Animal Rights, Human Wrongs: An Introduction to Moral Philosophy*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.

² Singer, P. (1998). *Ethics Into Action: Henry Spira and the Animal Rights Movement*. Rowman and Littlefield Publishers Inc.

³ Garner, R. (2005). *The Political Theory of Animal Rights (Perspectives on Democratization)*. Manchester University Press.

⁴ Ryder, R.D.(2000). *Animal Revolution: Changing Attitudes Toward Speciesism*. London: Berg Publishers.

Historical and ethical and philosophical aspects of the treatment of animals were the subject of research for a long time, a significant contribution of Russian scientists in this field should be noted. From about the middle of the XIX century, in the Russian Empire there was a question of treatment of animals and many famous philosophers, politicians, lawyers expressed their opinion on this matter. For example, works of P.V. Bezobrazov¹, V.V. Byhovskiy², J.O. Lewandowski³, published in the late XIX – early XX century, are interesting and draw attention to the existence of the rights of animals and developing of compassion and humanity. In addition, a number of modern scientists and researchers – V. Agafonov, E. Bogatova O. Butkevych, V. Kopilyan, T. Korotkiy and others, – work on the specified problem, considering various aspects of: ethical and philosophical foundations of the treatment of animals, legal regulation of the treatment of animals, including international law, the responsibility for the inhumane treatment of animals.

It is important to note that the establishment of an international legal regulation of the treatment of animals was not immediate. Initially, the most progressive states (in the aspect of humanization of social relations) began to adopt legislation on the treatment of animals, their protection against abuse. Then, in order to bring national legislation to uniformity, many states began to bring their legislative practice to the single model. This phenomenon became the main trend of the regionalization of legal regulation, and only then the legal regulation shifted into the international sphere, where a universal level of legal regulation of treatment of animals appeared.

At the universal level in this area there is a number of international non-governmental organizations – the World Society for the Protection of Animals, the World Organization for Animal Health, and in their framework the documents on the protection of animals could be accepted. These documents are neither normative nor binding, their effectiveness is grounded on the ethical imperatives. As a rule, they contain recommended practices and standards. However, at the level of international intergovernmental organizations of a universal nature currently there are no documents aimed at protecting animals from cruelty.

¹ Безобразов, П. В. (1903). *О правах животных*. Москва: Печатня А.И. Снегиревой.

² Быховский, В.В. (1897). *Наше законодательство о жестоком обращении с животными и желательные в нем изменения*. Москва : Моск. отд-ние Рос. о-ва покровительства животным.

³ Левандовский, Я.О. (1879). *Последствия жестокого обращения с животными*. Санкт-Петербург: тип. Р. Голике.

The second level is a level of regional acts. At this level, there is a number of international agreements on treatment of animals. The most advanced in this regard is the law of the Council of Europe and the European Union. The third, the national level has a great diversity of approaches, because there is not enough uniform practice of States on the treatment of animals and their protection from abuse. The most advanced and progressive legislation is represented by certain European states.

As already noted, at the universal level, even in the form of soft law, there are no international legal standards on the protection of animals from cruelty yet. 2000. The subject of international treaties for the protection of wildlife, protection of biodiversity is different. Nevertheless, we consider it necessary to quote Art. 1 p. A of the Earth Charter 2000 «1. Respect Earth and life in all its diversity. a. Recognize that all beings are interdependent and every form of life is valuable regardless of its worth to human beings»¹.

International non-governmental organizations, especially the World Society for the Protection of Animals (WSPA) engaged in international activities in the field of protection of animals. The aim is to ensure the WSPA animal welfare and eradication of animal cruelty. The organization fights against the abuse of animals into general and its specific manifestations. In addition, the WSPA advises governments and lobbying for legislation on humane treatment of animals. In particular, the WSPA leads the campaign for the signing by the UN member states of the Universal Declaration on Animal Welfare.

At the regional level, the most developed system of protection of animals from cruelty is in Europe. In Europe, there are two types of legal regulation on the regional level – at the level of supranational institutions, which is the European Union and at the level of international organizations with specific objectives – the Council of Europe.

The activity of Council of Europe in the field of the protection of animals goes back to the 60s of the XX century, when the creation of international agreements relating to the welfare of animals was first initiated. In the period from 1965 to 1990 five major conventions for the protection of animals (European Convention for the Protection of Animals during International Transport of 1968 (revised in 2003) [1], the European Convention for the Protection of Animals kept for Farming 1976 [2], the European Convention for the Protection of Vertebrates Animals used for Experimental and other Scientific Purposes 1986 [3], the

¹ Earth Charter (26 June 2000). < <http://www.earthcharterinaction.org/content> > (2014, april, 10).

European Convention for the Protection of Pet Animals 1987 [4]) were formulated and entered into force. These conventions of the Council of Europe based on the anthropological approach, focused on the fact that for his own well-being, a person may, and sometimes must use animals, but he has a moral obligation to provide in reasonable frames, animal health and welfare, and in each particular case not to make them subjects to excessive risk. Most member states of the Council of Europe have signed these conventions, expressing their support for the policy of the Council of Europe with regard to animal welfare.

The Council of Europe ensures the establishment of standards for the treatment of animals and their protection from abuse by adopting recommendation provisions of international conventions and controls its implementation. Political and technical progress made in the establishment of standards in this area depends on close cooperation with Member States, the Council of Europe and non-governmental organizations representing veterinarians, defenders of animals, farmers and scientists. Conventions for the animal protection, approved by the Council of Europe, became the first international agreements containing principles of transportation, breeding and killing of animals, as well as their use in experiments or at home. These conventions are used in almost all states of the Council of Europe as a basis for national legislation documents¹.

National legislation of states form the third level of regulation. All elements of the system are in the interaction and mutual influence on each other. Ukraine is no exception, since February 21, 2006 it adopted the Law «On the Protection of Cruelty to Animals». It was a significant step towards the establishment of really humane and civilized society in Ukraine. Adoption of the law reflected a qualitative shift in the public consciousness, when the problem of protecting animals from cruelty moved into the category of socially significant.

Analysis of the Law allows to conclude about an integrated approach to the protection of animals from abuse, the systematic nature of the rules and mechanisms for their implementation. Actually adoption of the Law of Ukraine formed a new legal institute associated to the treatment of pets. Previously, these matters were governed by separate norms of administrative and partly of the criminal law relating to criminal liability for cruelty to animals.

In criminal and administrative legislation of Ukraine for quite a long time, there are provisions on liability for cruelty to animals, which are

¹ Stevenson, P. (2004). *European Union Law on the welfare of farm animals. In A global perspective on animals in the legal system.* California Western School of Law, 124-125.

not practically used. This can be attributed to several factors: the reluctance of law enforcement agencies to engage in insignificant and no prospective for them investigations; lack of practice and procedure of the investigation of such cases; low social value and the passivity of people with respect to this type of crime; low level of legal culture and the inability to actively defend their rights. At the same time rules on liability, including public authorities and officials for cruelty to animals, for creating the conditions for animal cruelty, for failure to take action to prevent cruelty to animals need to be improved. An important issue is to develop a mechanism for removal of pets in case of maltreatment.

Besides the issues related to improving the effectiveness of realization of the Law there is a need to improve some of its provisions.

First, there is a need of clarification and making additional qualifying features in the determination of cruelty to animals, which include: the poisoning of animals, farm animals overload, transport, which leads to suffering and stress of animals, obtaining meat, skin or organs of pets, propaganda of cruelty to animals.

Secondly, securing compulsory registration of pets, establishing legal responsibility for the absence of such registration and liability for abandonment or loss of the animal is required to increase the liability of owners of animals is.

Third, in our opinion, it is necessary to provide the licensing of breeding dogs and cats, which will dramatically improve animal welfare in nurseries and reduce the number of occasional sales of progeny from pets.

Fourth, despite the fact that the law is an indication of the priority of humane methods to control the number of stray animals (articles. 16, 23, 24), the actual mechanism for the implementation of these methods and sterilization priority over animals' sacrifice are not spelled out.

On November 1, 2013, the Law of Ukraine «On ratification of the European Convention for the Protection of Pet Animals» from September 28, 2013 entered into force. Ratification of the Convention has significantly brought together the national law of Ukraine and the Law of Council of Europe; this action demonstrated Ukraine's readiness to comply with high European standards in order to protect and provide not only human rights, but also the generally accepted standards for the treatment of animals. However, despite all the efforts of legislators and theorists, the practical problem of humane treatment of animals is still acute.

Яна Тыцкая

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Two main approaches to educational legal relations are analyzed. The first one (broad approach) is based on the equality of educational relations and relations in the field of education. The relations in the field of education are related by norms of different branches of law. The core of the relations in the field of education consists of pedagogical relations (narrow concept of educational relations). The second approach to the educational legal relations distinguishes them from the relations in the field of education. Reasons in favor of the second approach are presented.

The author proves specific features of educational legal relations. Its object is unique for ideal nonmaterial character of knowledge, skills and competences that are being transferred from a teacher to a student. Moreover subjects (participants) of educational relations are specific because of its three-part composition that includes student, teacher and educational institution. Capacity of students cannot be limited by neither legal nor other normative means. The author defines educational legal relations as communicative connection between the student, his/her parents (legal representatives), and teacher in the frame of educational institution that is being regulated by educational law. This article emphasizes the important role of self-study in the formation of a new educational paradigm.

Одним из фактором образования новой комплексной отрасли права Украины, содержащей нормы административного, трудового, гражданского, финансового и др. отраслей права, стало принятое за последние десять лет законодательство об образовании. Для нормального развития образовательного права в качестве компонента украинской правовой системы необходимо его научное обеспечение, поэтому исследование образовательных правоотношений как предмета правового регулирования данной отрасли является актуальным и необходимым.

Проблема обеспечения эффективности правового регулирования всей совокупности правоотношений, возникающих в сфере образования, и в особенности образовательных правоотношений отношений, стоит на повестке дня. Между тем, имеющиеся теоретические разработки дефиниции «образовательные правоотношения» уже устарели и не отвечают современной парадигме образования. Отсутствие единого и соответствующего сегодняшним реалиям понятия «образовательных правоотношений», если не рождает то, во всяком случае, создает, наряду с другими факторами, почву для ряда

проблем как на теоретическом уровне так и на уровне законотворческой деятельности.

Проблематика образовательного права в основном разработана в трудах российских ученых, среди которых: Г. А. Дорохова, В. И. Шкатулла, Д. А. Ягофаров, В. М. Сырых, В. В. Спасская, хотя в последние годы и в Украине вышли в свет научные работы по этому вопросу (В. О. Зайчук, Е. В. Красняков, О. Ф. Мельничук, Р. Г. Валеев). Однако, на наш взгляд, проблема образовательных правоотношений освещена в них лишь фрагментарно.

Понятие образовательных правоотношений было введено в научный оборот в 70-80 годах XX века. Как известно, образовательная сфера советского периода полностью контролировалась партийно-государственным аппаратом. Как следствие, общественные отношения в сфере образования регулировались административным правом. Поэтому неудивительно, что почти все исследования этой эпохи осуществлялись с позиций науки административного права. Благодаря работам советских ученых Г. А. Дороховой¹, Г. С. Сапаргалиева², Л. А. Дольниковой³ и др. были созданы теоретико-методологические предпосылки для системного изучения отношений, возникающих в сфере образования, ключевым элементом которых признавались специфические «учебные» отношения.

Российский исследователь В. И. Шкатулла одним из первых поднял вопрос о «самостоятельности» образовательного законодательства и о его отделении от административно-правовой сферы. Образовательное право России исследователь рассматривает как комплексную отрасль, включающая нормы различных отраслей, не объединенных единым методом правового регулирования, но связанных предметом и задачами правового регулирования. Таким образом, по его мнению, предмет правового регулирования образовательного законодательства составляют конституционные, трудовые, управленческие (административные), имущественные, социальные, земельные, финансовые, семейные отношения в сочетании с педагогическими отношениями. При этом, педагогическим отношениям в этой системе отводится центральная системообразующая

¹ Дорохова, Г. А. (1978). Правовое положение личности в области народного образования (теоретические аспекты). *Советское государство и право*, 11, 31–39.

² Сапаргалиев, Г. С. (1974). Отношения по воспитанию и обучению граждан – предмет правового регулирования. *Советское государство и право*, 8, 123–125.

³ Дольникова, Л. А. (1984). *Конституционное право на образование советских граждан*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов. <<http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=48388>>.

роль, поскольку все остальные отношения системы образования призваны их обеспечивать¹. Отношения в системе образования автор рассматривает в широком и узком смысле. В первом значении – это все отношения в сфере образования (гражданско-правовые, хозяйственные, финансовые, управленческие и др.). Образовательные отношения в узком смысле исследователь определяет как педагогические отношения, включающие отношения по поводу воспитания и обучения. По его мнению, педагогические отношения состоят из 15 блоков, среди которых: договор на образование; процесс обучения; организация учебного процесса; оценивания знаний умений и навыков; процесс воспитания; выдача документа об образовании; определения качества образования и др. В этой связи В. М. Сырых отмечает, что В. И. Шкатулла не всегда отличает педагогические отношения от других отношений в сфере образования. В. М. Сырых не только выводит образовательные правоотношения за пределы административного, трудового, гражданского права но и использует другой подход к терминам. В частности, он употребляет определение «образовательные отношения», отказываясь от традиционного термина «педагогические отношения». Отвергая термин «педагогические отношения», он называет образовательными правоотношениями ключевые отношения системы образования. При этом ученый отмечает, что при исследовании предмета образовательного права необходимо четко различать на первый взгляд два тождественные понятия «образовательные правоотношения» и «правоотношения в сфере образования»². Таким образом образовательные правовые отношения определяются ученым как отношения, возникающие между обучающимся, учебным заведением, педагогическими работниками и другими лицами в процессе получения общего или профессионального образования, которое подтверждается документом о соответствующем образовании или квалификации³.

Исходя из понятия образовательных правоотношений разработанного В. М. Сырых, мы можем сделать вывод, что исследователь не относит к образовательным отношениям, возникающие в дошкольных и внешкольных учебных заведениях в силу того, что они не заканчиваются получением документа об образовании.

¹ Шкатулла, В. И. (2001). *Образовательное право: учебник для вузов*. Москва: Изд-во НОРМА, 21.

² Сырых, В. М. (2002). *Введение в теорию образовательного права*. Москва: Центр образовательного законодательства, 93.

³ Сырых, В. М. (2002). *Введение в теорию образовательного права*, 41–43.

Отметим, что существует и другая точка зрения на этот счет. Например, украинская исследовательница О. Ф. Мельничук отмечает, что для дошкольных правоотношений определяющим является не столько специальный документ о соответствующем образовании или квалификации, сколько наличие состава правоотношений (субъектов, объекта, содержания), который будет характеризовать их как образовательные¹. Кроме того, мы считаем одним из наиболее важных признаков дошкольных правоотношений как образовательных наличия Государственного стандарта дошкольного образования, одобренного Министерством образования и науки, молодежи и спорта Украины от 4 мая 2012 г., в котором определены требования к уровню развития, воспитания и обучения ребенка 6(7) лет перед поступлением в школу.

Для характеристики общественных отношений, составляющих предмет образовательного права, важное значение имеют работы В. В. Спасской, которая с помощью системного метода исследования доказала, что образовательные правоотношения – это целостная система взаимодействия всех ее элементов, главной целью которой является обеспечение реализации права на образование. При этом данная система приходит в действие только с момента волеизъявления субъекта права на образование, который желает это право реализовать².

Отметим, что поскольку современное образование характеризуется стремительным темпом изменения знаний и почти неограниченными возможностями их усвоения в период обучения, уместно обратиться к методологическому потенциалу синергетического подхода, который рассматривает образовательные правоотношения не просто как систему взаимодействия всех ее элементов, а как открытую и постоянно развивающуюся систему.

Весьма важным представляются научные исследования Д. А. Ягофарова, который предлагает все правоотношения в системе образования разделить на две группы: преципионные и комиторные правоотношения. Образовательные преципионные правоотношения (от лат. *praecipue* – особенный) – особый вид общественных отношений, возникающих на основе норм образовательного права между обучающимися (или их законными представителями), образовательным учреждением и педагогическими работниками в связи

¹ Мельничук, О. Ф. (2010). Поняття та особливості освітніх правовідносин. *Юридична Україна*, 11, 17.

² Спасская, В. В. (2006). Образовательное правоотношение как система: структура и взаимодействие элементов. *Современное право*, 8, 72–74.

с организацией, управлением и осуществлением образовательной деятельности (образовательного процесса) определенного уровня и направленности. Комиторные правоотношения (от лат. *comitor* – сопровождать) – все иные правоотношения в сфере образования, складывающиеся на основе норм административного, гражданского, трудового, финансового и иных отраслей права, опосредованно обеспечивающих процесс и результат образовательной деятельности, в целом функционирования всей системы образования¹.

Проанализировав взгляды современных российских ученых, можем сделать вывод, что с 90-х годов существенно меняется теоретико-методологический ракурс в осмыслении понятий «образовательные правоотношения» и «отношения в сфере образования». Они выводят образовательное право на уровень комплексной отрасли права Российской Федерации. Образовательные правоотношения рассматривают как самостоятельные общественные отношения в сфере образования. Одновременно указанные исследования не раскрывают полностью определение «образовательных правоотношений», которое будет соответствовать современным потребностям.

Более того, исходя из выше указанных определений, российские исследователи в сфере образовательного права настойчиво приводят мысль, что центром всей системы образовательного правоотношения выступает именно педагогический работник, который способствует реализации обучающимся, права на образование, создает для этого условия.

Согласно ст. 29 Закона Украины «Об образовании» от 23.05.1991 № 1060 в структуру образования Украины включено самообразование личности как часть непрерывного образования. В иностранной литературе самообразование определяется, как обучение без помощи педагогического работника или инструктора (*Self-education – Learning Without Instructors*)².

С нашей точки зрения, терминология, предложенная российскими исследователями, полностью исключает самообразование из предмета образовательного права, поскольку самообразование – это самостоятельно реализованная личностью возможность всесторон-

¹ Ягофаров, Д. А. (2006). Образовательное нормотворчество и образовательные правоотношения в механизме правового регулирования отношений в сфере образования (теоретико-правовой аспект). *Право и образование*, 4. <<http://window.edu.ru/library/pdf2txt/228/41228/18566>>.

² *Self-education – Learning Without Instructors*. <http://www.motivation-tools.com/youth/self_education.html>.

него развития собственной физической и умственной способности, интересов и талантов без чьей-либо помощи.

На первый взгляд, самообразование действительно не имеет признаков образовательного правоотношения. Во-первых, в данном случае отсутствует государственный образовательный стандарт – каждый человек самостоятельно выбирает область для самообучения с учетом своих интересов и без помощи педагогического работника. Во-вторых, самообразование может осуществляться вне образовательного учреждения (согласно ст. 49 Закона Украины «Об образовании» от 23.05.1991 № 1060, для самообразования граждан государственными органами, предприятиями, учреждениями, организациями, объединениями граждан, гражданами создаются открытые и народные университеты, лектории, библиотеки, центры, клубы, теле-, радио программы и т.п.). В-третьих, самообразование не предоставляет права для реализации программы следующего уровня образования. Но несмотря на вышеуказанные отличия от образовательного правоотношения, самообразование имеет с ним и сходство. Момент возникновения образовательного правоотношения и самообразования определяется волеизъявлением субъекта права на образование, желающим это право реализовать. Общим признаком как для образовательного правоотношения, так и для самообразования является нематериальный объект в виде знаний.

Возникает вопрос, насколько правомерно включение или исключение отношений, не отвечающих всем признакам образовательных отношений и скорее всего не являющихся таковыми. Помимо собственно отношений, складывающихся в системе образования, и выступающих в качестве предмета правового регулирования, в теории образовательного права есть немало других форм реализации права на образование. Реализация права на образования может осуществляться и *вне образовательных правоотношений* – это беспрепятственное использование субъективных юридических прав и сознательное исполнение субъективных юридических обязанностей без конкретных связей или отношений между субъектами. Таким образом, самообразование – это реализация обучающимся своего законного права на образование вне образовательного правоотношения.

Несмотря на то, что самообразование не обладает всеми необходимыми признаками образовательного правоотношения, его необходимо включить в предмет образовательного права Украины, потому, что самообразование – это в первую очередь осознание личностью значимости постоянного возобновления знаний, профессионального усовершенствования, расширение мировоззрения,

повышение личного профессионального уровня, наличие стойких познавательных интересов вне образовательного правоотношения.

Современный этап формирования понятийно-категориального аппарата науки образовательного права начался с началом XXI века. Перед формированием нового взгляда на образовательные правоотношения появилась острая проблема, которая заключается в том, что вопросами образования занимались педагоги, психологи, историки, философы и к сожалению почти не занимались юристы. Поэтому перед современными исследователями встает проблема рассмотрения дефиниции «образовательные правоотношения», которая будет соответствовать взаимодействия всех субъектов образовательных правоотношений и отражать общую типологизацию данных правоотношений.

Основной чертой современного периода формирования дефиниции «образовательные правоотношения» является привлечение к исследованиям в сфере образовательного права украинских ученых (Р. Г. Валеев¹, В. В. Астахов², О. Ф. Мельничук³). Проанализировав их определения образовательных правоотношений, можно сделать вывод, о том, что они нуждаются в серьезной доработке и дополнения. В частности, (Р. Г. Валеев, В. В. Астахов), вообще не разграничивают терминопонятия: «правоотношения в сфере образования» и «образовательные правоотношения».

Дело в том, что новая образовательная парадигма предполагает инновационное и непрерывное образование в течение всей активной деятельности человека. А смена образовательной парадигмы неизбежно должна повлечь трансформацию образовательных отношений педагога и обучаемого, которые должны стать активными субъектами образовательных правоотношений. Поэтому считаем правильным использование коммуникативного подхода, основанного Ю. Хабермасом⁴ и развитого в правоведческой сфере А. В. Поляковым⁵, в силу того, что коммуникативное действие направлено на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус.

¹ Валеев, Р. Г. (2011). *Освітнє право України: навчальний посібник*. Луганськ: Луганська правова фундація.

² Астахов, В. В., Астахова, К. В., Войно-Данчишина, О. Л. (2011). *Освітнє право: навчальний посібник для студентів гуманітарних ВНЗ*. Харків, Вид-во НУА.

³ Мельничук, О. Ф. (2011). Освітні правовідносини: класифікація, поняття й особливості окремих видів. *Адміністративне право*, 2, 61–64.

⁴ Хабермас, Ю. (2008). Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия. *Социологическое обозрение*, 7, 1, 3–25.

⁵ Поляков, А. В. (2006–2007). Коммуникативный подход в общей теории права. *Проблеми філософії права, IV–V*, 60–66.

Коммуникативная теория права является наиболее подходящей для достижения целей исследования образовательных правоотношений благодаря акцентированию внимания на том обстоятельстве, что право рассматривается в ней как оформленное специфическими правовыми текстами взаимодействие субъектов права, обладающих взаимообусловленными правами и обязанностями.

Дополнительным аргументом для построения нашей концепции образовательных правоотношений является тот факт, что международная доктрина образовательного права также построена на коммуникативном подходе. Согласно Международной стандартной классификации образования образование – это процесс, который включает коммуникацию с целью обучения¹. Мы также поддерживаем и разделяем методологическую позицию профессора А. Г. Кислова, который представляет образование как процесс взаимоотношений между двумя или более лицами, включая передачу информации². Исследователь подчеркивает, что общение может быть вербальным и невербальным, прямым или косвенным, непосредственным или на расстоянии и может включать широкое разнообразие каналов и технических средств. Иначе говоря, даже если метод обучения не связан с прямым контактом участников образовательного процесса, коммуникация все же осуществляется между теми, кто предоставляет образование, и теми, кто его получает.

Поддерживая позицию А. В. Полякова, что коммуникация – своего рода «атом» социальности, опосредованный текстами как знаковыми системами³, особое внимание следует уделить анализу правовых текстов, а именно – нормативных и индивидуальных правовых актов. Продолжая эту мысль, заметим, что с позиций коммуникативного подхода объективное право неотделимо от права субъективного как совокупности правовых полномочий конкретных субъектов и их же правовых обязанностей, то есть не может быть отделено от правовых отношений. Признание тесной взаимосвязи между объективным правом и правовыми отношениями обуславливает важ-

¹ Международная стандартная классификация образования. *Официальный веб-сайт ЮНЕСКО*. <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/UNESCO_GC_36C-19_ISCED_RU.pdf>.

² Кислов, А. Г. К определению современного образования как объекта правоотношения. *Правовой портал «Юридическая Россия»*. <<http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=182703>>.

³ Поляков, А. В. (2006–2007). Коммуникативный подход в общей теории права. *Проблемы філософії права, IV–V*, 61.

ное влияние образовательных правоотношений на формирование отрасли образовательного права.

Таким образом, вышеизложенное дает нам возможность утверждать, что образовательные правоотношения – это урегулированная нормами образовательного права коммуникативную связь, которая возникает между обучающимся, его родителями (законными представителями) и педагогическим работником в рамках учебного заведения в связи с овладением этим лицом знаниями, умениями, навыками, компетенциями и иными духовными благами, определенными государственными стандартами образования.

С помощью коммуникативного похода возможно образовательные правоотношения классифицировать на: *непосредственные* и *сопутствующие*. Целью непосредственных образовательных правоотношений является исключительно усвоение образовательной программы, а права и обязанности участников таких правоотношений обусловлены ее исполнением. К таким правоотношениям можно отнести: учебные, связанные с передачей знаний от педагога к ученику; воспитательные, осуществляемый с целью формирования у учащихся необходимых свойств, качеств, которыми должна обладать личность в обществе; аттестационные, призваны осуществлять контроль за ходом и уровнем усвоения учащимися учебных предметов и формированием необходимых навыков и др. Каждому из названных правоотношений соответствуют специфическая совокупность прав и обязанностей педагогических работников и обучающихся.

Непосредственные образовательные правоотношения с позиций коммуникативного подхода должны стать отношениями партнерства и сотрудничества, активных субъектов образовательного процесса. Коммуникативный подход, в первую очередь делает акцент на активной роли всех участников образовательных правоотношений, а не на только обучающемся субъекте, и позволяет преодолеть не соответствующий современным реалиям информационного общества взгляд на обучающихся как на пассивных субъектов, которые только получают образовательные услуги.

Непосредственным образовательным правоотношениям присущи признаки, отграничивающие их от иных отношений в сфере образования. Например, в характеристике субъекта непосредственных образовательных правоотношениях отсутствует понятие ограниченной дееспособности. Ограничение дееспособности в выполнении образовательной программы, вообще невозможно достичь ни правовыми, ни внеправовая средствами, поскольку стремление человека

к знаниям невозможно (и нецелесообразно) ограничивать. К тому же ограничение дееспособности в гражданско-правовом смысле представляет собой конструкцию, которая призвана защитить права подопечного лица по распоряжению материальными средствами. Объектом непосредственных образовательных правоотношений является нематериальное благо, которое в принципе невозможно потратить таким образом, чтобы это повредило его владельцу. К тому же, если ограниченную гражданскую дееспособность возможно «дополнить» за счет дееспособности законного представителя, то способность к выполнению образовательной программы является исключительно личной, ее невозможно дополнить способностями родителей или других законных представителей.

Поэтому, по нашему мнению, учащиеся малолетние и несовершеннолетние лица имеют полную дееспособность в уже возникших непосредственных образовательных правоотношениях, то есть обладают всеми правами и обязанностями и несут ответственность за дисциплинарные проступки и уклонения от усвоения образовательной программы.

С позиций коммуникативного подхода целью сопутствующих образовательных отношений является обеспечение надлежащих условий для реализации прав и обязанностей участников непосредственных образовательных правоотношений. К сопутствующим образовательных правоотношений мы относим: отношения между родителями, другими законными представителями ребенка или взрослого недееспособного лица и учебным заведением по поводу обеспечения условий для выполнения образовательной программы обучающимся лицом, в частности, по поводу заключения договора о предоставлении образовательных услуг; отношения между лицами, которые обучаются их родителями и / или законными представителями и коллективом учебного заведения по поводу управления учебным заведением.

Подводя итоги следует отметить, что с позиций коммуникативного подхода образовательные правоотношения прежде всего рассматриваются как особая коммуникация, которая связывает всех участников данных правоотношений взаимно корреспондирующими правами и обязанностями. Обновление национального законодательства об образовании должно осуществляться также с позиции понимания образования как коммуникации, как взаимодействия между участниками образовательных правоотношений.

Алексей Повар

ПРАВА РЕБЕНКА В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ С. И. ГЕССЕНА

The article contains analysis of the views of the outstanding Russian legal philosopher Sergey Hessen on the rights and freedoms of children.

S. Gessen reflected philosophical and legal interpretation of the legal status of a child in his «Fundamentals of pedagogy» (1923, Berlin). This is not only pedagogical work, but philosophical essay on the concept of freedom of the child as a component of education. The right to education philosopher considered as a ground of freedom in general.

S. Gessen considered child's legal status in the public sphere through the stages of anomie (lawlessness), heteronomy (external actor's legality), autonomy. A man is born into the world of lawlessness to realize the ideal of autonomy. Stages of legal socialization match three levels of education: pre-school, and outside school. A child is born in the anomie of language incomprehensible: the young person is not self-aware, obeys the rules and authority of adults. Socialisation of the child is a way of transition from nature to law. School education should be organized to prepare a person to free self-determination.

The purpose of school punishment is understanding of moral law by a student, so any humiliation of the individual and physical punishment is completely prohibited.

Современная отечественная юриспруденция переживает всплеск интереса к проблемам социального и государственного обеспечения прав ребенка и охраны детства. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с общественным интересом, поскольку от правового обеспечения процессов выживания и нормального развития молодого поколения зависит судьба социума как такового. Во-вторых, с фрагментацией науки права прав человека, в которой выделяются такие самостоятельные направления как исследование прав женщин, прав детей, прав инвалидов. Сегодня уже можно констатировать оформление, по крайней мере, ювенального права, изучающей его науки и соответствующей учебной дисциплины (Н. Е. Борисова, С. А. Ветошкин, Л. Ю. Голышева, А. В. Заряев, Н. Н. Крестовская, А. М. Рабец).

В историческом ракурсе ювенального права основное внимание уделяется формированию предпосылок защиты прав ребенка в национальных и международной правовой системах (такие сюжеты разработаны в исследованиях Л. И. Беляевой, Л. Ю. Голышевой, Е. В. Мишиной, А. М. Нечаевой, Э. Б. Мельниковой, Н. С. Нижник, Ю. Е. Пудовочкина, О. М. Старовойтова). Вместе с тем вне поля

зрения исследователей остаются философско-идеологические предпосылки формирования ювенального права, в связи с чем нередко складывается неверное впечатление о якобы чисто зарубежном, «импортированном» характере норм и институтов сферы защиты прав детей, которое используется сторонниками сохранения патриархальных отношений между поколениями для противодействия совершенствованию системы ювенальных учреждений в постсоветских странах. Как представляется, история государства и права и история правовой мысли дает достаточно оснований для опровержения утверждений о несоответствии идеи защиты прав ребенка национальной правовой традиции.

Проблема, вынесенная в заголовок этой статьи, пока не получила должного изучения, несмотря на то, что педагогическое и философско-правовое наследие С. И. Гессена сегодня находится на пике исследовательского интереса (работы Б. В. Агаева, Н. В. Данилкиной, М. Ю. Загирняка, Н. В. Крыловой, Н. В. Очикороновой, Е. И. Пургиной, Е. Е. Седовой и др.).

Сергей Иосифович Гессен (1887-1950) – российский и польский правовед и философ неокантианского направления. Его отцом был выдающийся политический деятель, один из основателей конституционно-демократической партии, известный юрист Иосиф Владимирович Гессен (1865-1943) – уроженец Одессы, где он учился на юридическом факультете Новороссийского университета, правда, недолго, так как был исключен за «словесное оскорбление товарища». В дальнейшем экстерном окончил Петербургский университет, редактировал еженедельную газету «Право». Ради сына, рожденного православной женщиной, И. В. Гессен сменил вероисповедание (в противном случае по законам Российской империи ему как иудею не отдали бы рожденного в православии ребенка). Представляется, что обстоятельства рождения и детства оказали влияние если не на мировоззрение, то, по крайней мере, на выбор проблематики исследований ученого: детство и педагогика всегда были в центре его внимания.

С. И. Гессен получил высшее образование в Гейдельбергском и Фрайбургском университетах. В последнем он под руководством Г. Риккерта защитил магистерскую диссертацию. Современные исследователи философии С. И. Гессена отмечают, что учеба в Германии определила его приверженность неокантианскому направлению

в философии, во многом определившего главные составляющие его будущей философско-педагогической концепции¹.

С. И. Гессен разработал оригинальную концепцию правового государства – социализированного общества, в котором над собственностью и государством стоит право, благодаря чему государство приобретает демократический и социальный характер. Важное место в его творчестве занимала проблематика прав человека. Не случайно именно Гессен оказался в числе выдающихся гуманистов и мыслителей XX в., которых первый директор ЮНЕСКО Джулиан Хаксли пригласил в качестве экспертов (вместе с М. Ганди, Ж. Маритеном, П. Тейяр де Шарденом, Б. Кроче и др.) в Комитет философских оснований прав человека². Не менее интересными, хотя пока и не осмысленными с позиций правовой науки, являются мысли С. И. Гессена о самоценности детства и правовом статусе ребенка.

Философско-правовое осмысление правового статуса ребенка, прежде всего, нашло свое отражение в работе С. И. Гессена «Основы педагогики» (1923, Берлин). На первый взгляд, это чисто педагогическое произведение, но в реальности именно там изложена его философия образования и концепция свободы ребенка как ее составляющая. Следует отметить, что право на образование философ считал настолько важным для человека, что из него он выводил понятие свободы вообще, отмечая, что свободным и способным отстаивать свои права является только образованный человек. Поэтому важнейшей задачей школьного воспитания он считал правовую социализацию ребенка: «Воспитание правового чувства в человеке является одной из основных функций школы: правильно организованная школа воспитывает в человеке способность уважать право другого и отстаивать свои права»³.

Проблема индивидуального (прав ребенка) увязана С. И. Гессеном с общественным. Он отмечает, что перед современным человеком, в отличие от первобытного, озабоченного исключительно

¹ Самойлов, Д. (2012). Рецепция морального учения И. Канта в сочинениях С. И. Гессена. *Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. Серия I: Богословие. Философия. 1 (39)*, 44.

² Агаев, Б. В. (2012). *Концепция правового социализма С. И. Гессена*: автореф. дис...канд. полит. наук: спец. 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки. Москва, 3; Седова, Е. Е. Философско-педагогическая концепция С. И. Гессена. Ч. 4. *Педагогическая библиотека*. <http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=217&bin_rubrik_pl_articles=109>.

³ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*: учебное пособие для вузов. Москва: Школа-Пресс, 158.

биологическим выживанием, стоит такая цель как достойная жизнь. Культура представляется ему целью существования современного человека, тогда как самосохранение – лишь необходимой предпосылкой культуры. В жизни современного (культурного) человека С. И. Гессен видит три слоя: образованность, гражданственность и цивилизацию, причем последний слой включающий хозяйство и технику, служит лишь фундаментом образованности. Государственно-правовые явления С. И. Гессен располагает на уровне гражданственности¹.

В связи с этим встает вопрос о роли образования в формировании современного человека. С. И. Гессен проводит четкую границу между образованием и социальной адаптацией первобытного человека, определяя последнюю вслед за П. Монро как непрогрессивное приспособление к внешней среде². У первобытного человека нет ни прошлого, ни будущего. Задачей же образования является, прежде всего, приобщение ребенка к уже приобретенным человечеством культурным ценностям – ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, т.е. превращение естественного человека в человека культурного.

Построение концепции прав ребенка и его правовой социализации начинается Гессеном с критического осмысления популярной в его время теории и практики свободного воспитания. Анализируя концептуальные идеи Жана Жака Руссо и Льва Толстого, согласно которым ребенок от рождения обладает главным правом – естественной свободой, он вскрывает их ошибочность. С. И. Гессен убедительно доказывает, что свобода ребенка в понимании Руссо – это всего лишь видимое отсутствие внешнего угнетения, отсутствие принуждения³. Во-первых, ребенок у Руссо – это всего лишь воспитанник, а не личность, обладающая правами. Во-вторых, не только действия, но и сами потребности в действиях ребенка «срежиссированы» его воспитателем, который должен создать условия для появления у его воспитанника потребности в выработке определенного навыка (хождения, чтения, письма и т.д.). «Свобода» Эмиля оказывается мнимой: права ребенка оказываются всего лишь проекций желаний и действий его воспитателя. «Хорошо направленную свободу» Руссо называет не просто лучшим, а единственно возможным средством воспитания.

¹ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 27.

² Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 35.

³ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 53.

Гессен проводит известные параллели между руссоизмом и подходом Л. Н. Толстого к детям и образованию. Продолжая рассуждения Руссо, Толстой пришел к выводу о незаконности и неплодотворности, неправом характере воспитания, которое всегда является принудительным. Допустимым, в отличие от воспитания, является лишь образование, осуществляемое на основе потребностей учащихся и равенства между учениками и учителем. Но и природосообразное воспитание, и свободное образование оборачиваются полной зависимостью питомца от воспитателя, а отсутствие принуждения со стороны учителя оборачивается неуправляемым принуждением со стороны других лиц, в том числе – со стороны самих учащихся, примеры чему Гессен находит в произведениях самого Толстого¹.

По верному замечанию Н. В. Данилкиной С. И. Гессен преодолел антипросветительскую направленность философской педагогики Руссо и Толстого. В отличие от них С. И. Гессен усматривал сущность свободного образования не в ограждении человека от воздействий «враждебной» и «искусственной» культуры, но в приобщении его к культурным ценностям – ценностям науки, искусства, права, религии, хозяйства². Более того, по мнению Гессена юное поколение не обязано воспроизводить культуру старшего поколения. Вслед за Густавом Винекеном ученый утверждает право молодого поколения на создание своей собственной культуры, чем и оправдывается существование «права образования»³. Однако, как подчеркивает С. В. Гессен, данное право на создание своей, новой культуры, не отменяет главной задачи образования – усвоения культуры настоящего, без которого творчество нового превратится в истощающий себя в бесплодном мятеже дилетантизм⁴.

Соглашаясь с необходимостью свободного воспитания, С. И. Гессен утверждает, что принуждение может преодолеть только сама личность, свобода не исключает, а предполагает принуждение. Принуждение является фактом жизни, созданным не людьми, а природой человека, рожденного не свободной личностью, а рабом

¹ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 59.

² Данилкина, Н. В. (2010). *Концепция образования в философии С. И. Гессена: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.03 – история философии*. Калининград, 17.

³ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 166.

⁴ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 176.

принуждения¹. Человек рождается рабом окружающей среды и общества, и освобождение от власти бытия является не началом, а только задачей жизни и, в частности, образования. А если так, делает вывод ученый, то исчезает альтернатива свободного или принудительного воспитания, и свобода и принуждение оказываются не противоположными, а взаимообусловленными началами.

Правовой статус ребенка в сфере общественной жизни ученый подает через понятие аномии, гетерономии и автономии. По мнению С. И. Гессена социализация ребенка, как и всего человеческого рода, проходит стадии аномии (беззакония), гетерономии (чужой, т.е. установленной внешним субъектом законности), автономии (самозаконности). Человек рождается в мире беззакония, чтобы осуществить в себе идеал самозаконности (в этом С. И. Гессен является прямым продолжателем кантианской линии в философии права). При этом становление ребенка как личности необходимо проходит степень чужезаконности или гетерономии².

Стадиям правовой социализации соответствуют три ступени образования: дошкольное, школьное и внешкольное. Ребенок рождается в аномии: язык должного непонятен ребенку в первые годы его жизни, он подчиняется не осознанным им правилам, а силе и авторитету взрослых. Деятельность ребенка носит преимущественно характер игры, которая является аномной по определению. Задачей воспитателя является организовать игру ребенка таким образом, чтобы она стала предпосылкой обучения, подготовила переход ребенка к школе, то есть от естественной аномии к внешнему, общественному принуждению – гетерономии. Это переход от природы к праву. Для этого в отношении нравственного образования задача школы сводится преимущественно к воспитанию правового чувства и общественного сознания в человеке. В свою очередь школьное образование должно быть организовано так, чтобы в ней ясно прослеживалась цель – подготовить личность к свободному самоопределению.

На стадии школьного образования большое значение имеет внешний авторитет (школы, учителя, власти). Основное правило организации авторитетного влияния на ребенка, по С. И. Гессену, таково: школьная власть как носитель внешнего закона должна быть организована так, чтобы воспитывать свободного человека. Иначе го-

¹ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 61.

² Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 88.

воря, хотя правила приписываются ученику внешним образом, они должны быть такими, как будто бы ученик сам их себе выработал¹.

Школа, по убеждению С. И. Гессена – это правовое государство в миниатюре, коллектив, в котором властвующие и подвластные одинаково связаны законом и правом².

С. И. Гессен признает, что внутренняя организация школ в историческом прошлом не всегда соответствовала духу права, основной принцип-требование которого – равенство перед общим для всех законом. Школьная иерархия (иногда даже в пределах одной учебной группы), система наград и наказаний, еще существующая в школе, явно противоречат идее правового равенства. Ученый обращается также к отношениям между школой и государством и однозначно делает вывод, что очевидному праву индивида на образование, соответствует столь же очевидная обязанность государства по обеспечению каждому ребенку доступа к образованию. Обязательное школьное обучение, по мнению ученого, является гарантией свободы ребенка как будущего гражданина, который иначе не может отстоять свою свободу от злоупотребляющих свободой взрослых³. Образование, в том числе – правовое просвещение – в понимании Гессена является гарантией защищенности наемного работника перед предпринимателем и гарантией правового равенства вообще. Право на образование он ставит в один ряд и увязывает с правом на достойное существование. И в этом смысле известное принуждение ребенка и его родителей к образованию в виде введения всеобщего обязательного образования С. И. Гессен считал вполне оправданным. «Если даже нравственная свобода, – утверждал он, – кроет в себе подчинение нравственному долгу, то тем паче правовая свобода не гнушается правомерного принуждения»⁴.

По мнению С. И. Гессена и в школе, на стадии гетерономии, когда юный человек еще не стоит на позициях производимого им внутреннего закона свободы, так или иначе формирование свободной личности не может обойтись без определенного уровня принуждения. Но при этом принуждение / наказание должно принять

¹ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 156.

² Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 156 – 157.

³ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 180 – 181.

⁴ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 182.

форму правового акта¹. Отметим, что С. И. Гессен подразумевает право в широком смысле, тому, которое он сам называл социальным, т.е. негосударственным правом. Ученый приводит критерии соответствия наказания правовым требованиям: во-первых, акт реагирования на проступок ученика не должен быть непосредственной реакцией, во-вторых, оно должно быть результатом объективного и беспристрастного рассмотрения проступка, в-третьих, наказание не должно оскорблять достоинство ученика; в-четвертых, оно должно применяться авторитетным среди учащихся субъектом, в-пятых, оно должно быть неотвратимым. Нет ничего хуже, чем оставить без внимания проступок.

Целью наказания по категорическому утверждению ученого является осознание учеником нравственного закона, поэтому любое унижение личности ученика и тем более физическое наказание совершенно запрещаются².

Как организационная модель правового реагирования на проступки ученика С. И. Гессен, наряду с чисто педагогическими средствами воздействия, предлагает товарищеский суд при условии, что он является авторитетным для учеников. Он подчеркивает, что товарищеский суд является завершением, а не началом школьного самоуправления³.

Школьное самоуправление и право ребенка на участие в нем занимают немаловажное место в концепции С. В. Гессена. Он критически оценивал итоги его введения в ряде американских школ, где ученические органы самоуправления копировали в редуцированном и упрощенном виде государственный механизм США. Первоначальная цель такой самоорганизации учащихся состояла в том, чтобы практическим путем выработать у детей навыки жизни в правовом демократическом государстве. Но копируемая школой государственная машина оказалась слишком сложной для детского восприятия. Отметим параллелизм в этом плане выводов С. И. Гессена и Януша Корчака, который в своей повести «Король Матиуш I» демонстрирует несостоятельность детского парламента. С. И. Гессен указывает, что в США право ребенка на школьное самоуправление было реализовано совершенно иным путем – за счет формирования

¹ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 163.

² Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 163 – 164.

³ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 162.

в школьных коллективах многочисленных кружков и клубов по интересам детей, за счет издания школьной прессы и т.д.¹ В рамках развитой общественной жизни в конечном счете и вырабатывается у американских школьников чувство долга и ответственности и вместе с тем – инициатива, уважение к праву и закону².

При необходимости полноценного вхождения постсоветских государств в мировое образовательно-информационное пространство очевидной является необходимость пересмотра существующей системы образования, сложившейся на базе классической немецкой гимназии и университета образца XIX века, исключавших представление о ребенке-ученике как субъекте права. Как представляется, идеи С. И. Гессена о самоценности детства и юности, о правах, обязанностях и ответственности ребенка, о необходимости предоставления правового характера школьному образованию имеют большое значение для не только реформирования системы современной школы, но и для институционализации образовательного права как самостоятельной отрасли права.

¹ Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 171 – 173.

² Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики: Введение в прикладную философию*, 173.

Наталья Пашина

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН

Formation of consolidated political identity is an actual task facing the Ukrainian government and society. On the basis of statistical data the level of political authority legitimacy and its influence on the process of political identification of Ukrainian citizens have been studied in the article. It is determined that instability of legislative bases of vital functions of the state, absence of single conception of legal policy among a political elite, weak adaptation of society to the legislative processes, legal nihilism of population makes negative influence at legitimacy of authority.

Проблемы формирования общегосударственной политической идентичности являются сегодня главными в вопросах государственного строительства в современной Украине, важнейшей составляющей консолидации украинской политической нации, актуальной темой политических и научных дискурсов.

Потребность украинского общества в консолидированной политической идентичности началась одновременно с появлением независимого национального государства, развитие которого требовало укрепления внутреннего единства населения посредством конструирования новой модели идентичности, способной заменить прежнюю советскую.

Более двадцати лет существования независимого украинского государства, к сожалению, не привели к консолидации и солидарности украинского общества. Трудности трансформации политического режима и борьба за власть диаметрально противоположных политических сил привели к усложнению политической жизни в Украине, усилили дифференциацию политических идентичностей украинского населения. События в Украине в конце 2013 – начале 2014 года, ситуация с Крымским полуостровом продемонстрировали отсутствие консенсуса у украинских граждан по многим важнейшим судьбоносным проблемам развития украинского государства, что позволяет констатировать кризис политической идентичности в современной Украине.

Таким образом, обращение украинских исследователей к проблематике политической идентичности обусловлено практикой общественно-политического развития, которая показывает, что

проблема консолидации украинского общества является не только актуальной для политической науки, но и одной из наиболее сложно разрешимых задач украинской политики в целом.

Значительный вклад в осмыслении процессов политической идентификации, значения политической идентичности для консолидации украинского общества внесли такие украинские ученые как: А. Антонюк, С. Горобчишина, А. Картунов, А. Колодий, И. Кресина, И. Курас, Л. Нагорная, М. Обушний, И. Онищенко, Г. Палий, Н. Пелагеша, В. Ребкало, С. Рымаренко, Ю. Рымаренко, В. Степаненко, М. Степико, Ю. Тищенко и др.

В то же время, следует отметить, что многие современные проблемы политической идентичности еще не нашли должного внимания среди украинских исследователей. В частности постоянного научного мониторинга требует проблема легитимности политической власти, как фактора формирования общегосударственной политической идентичности.

Целью данного исследования является анализ уровня и влияния легитимности политической власти на процесс политической идентификации украинских граждан.

Одним из основных факторов, влияющих на политическую идентичность, является легитимность власти, которая предполагает, что действия власти отвечают интересам и ценностям большинства населения. Власть в глазах общества является законной и «правильной». Легитимность предполагает взаимное доверие граждан и власти.

Размышляя о составляющих консолидации демократического общества С. Липсет на первый план выдвигал легитимность политической власти. «Отсутствие легитимности, по мнению ученого, способно свести на нет влияние культурной, экономической или институциональной составляющих. Легитимность означает, что общество в целом считает существующие политические институты наиболее приемлемыми, независимо от мнения о конкретных людях, которые находятся у власти в данный момент. Носители власти являются такими в результате процессов, которые признаются правильными практически всеми важными участниками политического процесса»¹

Снижение доверия людей к власти отражается на их идентификации, создает ситуацию социального напряжения, негативно влияет

¹ Липсет, С. (2005). Размышления о легитимности. *Журнал Апология*, 5. <http://www.journalapologia.ru/news.html?id=331&id_issue=81>.

на процесс формирования коллективной идентичности на основе общественного консенсуса, тормозит демократические преобразования.

Результаты национальных мониторинговых опросов, проведенных в 1992 – 2008 годах показывают, что, несмотря на то, что уровень доверия к институту президентства в Украине за этот период несколько вырос, он оставался стабильно низким. Так, по пятибалльной шкале он составлял в 1994 году 2,3; в 2008 году 2,5 баллов¹. Уровень доверия Президенту В. Януковичу, согласно социологическим исследованиям составлял в феврале 2011 года – 28,8%, что равняется примерно одной трети населения².

Исследования, проведенные социологической службой Центра Разумкова в марте 2013 года показывают, что полностью поддерживали действия Президента В. Януковича уже только 14%, поддерживали отдельные его действия 26,1%, не поддерживали 56,4%³

Таким образом, за все годы независимости уровень доверия к Президенту в среднем не превышал 50%, что свидетельствует о том, что ни один из президентов независимой Украины так и не стал общенациональным лидером, которому бы доверяло большинство населения. Характерной чертой динамики доверия ко всем президентам является повышение доверия сразу после выборов (пассивное удовлетворение, повышенные ожидания), затем снижение доверия примерно через год (пассивное неудовлетворение, ожидание активных действий со стороны президента) и устойчивое снижения доверия до конца срока (активное неудовлетворение, разочарование).

Примерно такой же уровень доверия украинских граждан характерен и по отношению к другим институтам власти. Так, несмотря на динамику структуры политических сил, представленных в Верховной Раде Украины, индекс доверия к Верховной Раде, оставался неизменным все годы независимости и составлял по пятибалльной шкале 2,3 балла. Чуть выше индекс доверия к местным органам власти, в 2008 году он составил – 2,5 балла по пятибалльной шкале⁴.

¹ Головаха, Є., Панина, М. (2008). *Українське суспільство 1992 – 2008: Соціологічний моніторинг*. Київ: Інститут соціології НАН України, 27.

² Рівень довіри до українських політиків. Прес-реліз від 21 лютого 2011. *Сайт Центру соціальних та маркетингових досліджень Соціс*. <<http://www.socis.kiev.ua/ua/realizovani-proekty.html>>.

³ Соціологічне опитування «Чи підтримуєте Ви діяльність Віктора Януковича?» (динаміка, 2002–2013). *Сайт Центру Разумкова*. <http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=90>.

⁴ Головаха, Є., Панина, М. (2008). *Українське суспільство 1992 – 2008: Соціологічний моніторинг*. Київ: Інститут соціології НАН України.

Характерно также то, что изменение формы правления, которое перераспределяло полномочия Президента и парламента никак не повлияло, как показала практика, не только на эффективность власти, но и на уровень доверия граждан к данным политическим институтам. Основной причиной недоверия граждан к институтам власти является хроническое невыполнение публично взятых обязательств в период избирательных кампаний, низкий уровень политической ответственности этих институтов. Так, по результатам мониторинга (ОО Фонд «Открытое общество») деятельности ВР-VI за ноябрь 2007г. – Декабрь 2011г., общий показатель выполнения предвыборных обязательств парламентскими политическими партиями составил лишь 13%, причем, даже в этот процент «значительный вклад внесли Президент и правительство»¹.

Политическая практика показывает, что сегодня ответственность народного депутата сводится в основном к отчету перед фракциями и их лидерами, а не перед избирателями. В результате такой политики у граждан падает уверенность в том, что избранный по их округу депутат способен выразить их интересы, о чем свидетельствуют результаты опросов. Так, в 1994 году на избранных депутатов возлагали надежды 22,9 % респондентов, а в 2006 году уже только 12,8%. В то же время, практически в два раза (с 12,6% до 25,6%) выросло количество тех граждан, которые не верят, что избранные в парламент депутаты в своей деятельности будут выражать их интересы².

Сохранилась тенденция низкого доверия граждан к парламенту Украины и в последующем. В августе 2011 года уровень доверия к ВР Украины составил по данным Центра социальных и маркетинговых исследований 11,8%³, а по состоянию на июнь 2012 г., подавляющее большинство (75%) граждан выразили недовольство деятельностью украинского парламента, что, безусловно, сказывается на уровне доверия граждан к данному институту власти⁴. В марте

¹ Передостанній залік: робота фракцій Верховної Ради України (листопад 2007р. – грудень 2011р.). Як працює твій депутат (2012). *Інформаційно-аналітичний журнал*, 1, 2 – 28. <<http://www.deputat.org.ua/files/1330351701.pdf>>.

² Головаха, Є., Панина, М. (2008). *Українське суспільство 1992 – 2008: Соціологічний моніторинг*. Київ: Інститут соціології НАН України, 17.

³ Рівень довіри населення України до політиків та чиновників та основних суспільних та державних інститутів (2011). *Сайт Центру соціальних та маркетингових досліджень Социс*. <<http://www.socis.kiev.ua/ua/news.html>>.

⁴ Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (2012). *Національна безпека і оборона*, 7 – 8.

2013 года ВР-VII созыва не поддерживало более половины граждан – 54,9%¹.

Одним из факторов низкого доверия к представительным органам власти является критическое отношение украинцев к политическим партиям. Причина кроется в превращении современных партий из представителей общественных интересов в проводников интересов финансово-промышленных групп. По результатам социологических исследований, более половины (63,4%) граждан считают, что политические партии в Украине служат интересам финансовых и бизнесовых структур, 48,6% – партийных лидеров, 18,8% – государственной власти, 9,8% – интересам избирателей. Не определились в этом вопросе 10,7% респондентов².

В марте 2013 года политическим партиям полностью доверяли 3,2% украинцев, скорее не доверяли 17,3%, полностью не доверяли 42,8% и не определились 9,3%³.

Функциональный анализ деятельности украинских политических партий показывает, что борьба за власть является не только их главной функцией (что характерно для любой политической партии), но и практически единственной, где они наиболее ярко себя проявляют.

Оценивая по пятибалльной шкале уровень выполнения партиями своих функций, эксперты Центра Разумкова высоким (4,56) баллом оценили функцию борьбы за власть. Выполнение функции политического рекрутирования было оценено в 3,01 балла; разработки и осуществления политического курса – в 2,6; социального представительства – в 2,13; социальной интеграции – в 2,01 балла⁴.

Таким образом, функция социальной интеграции выполняется политическими партиями в Украине в недостаточной степени, а учитывая опыт избирательных кампаний последних лет, можно констатировать, что их деятельность, несмотря на программные призывы, фактически направлена на противоположные цели – дифференциацию общества и региональный раскол. Ситуацию усугубляет и от-

¹ Соціологічне опитування Чи підтримуєте Ви діяльність Верховної Ради України? (динаміка, 2000–2013). Сайт Центру Разумкова. <http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=68>.

² Партийна система України: особливості становлення, проблеми функціонування, тенденції еволюції (2010). Національна безпека і оборона, 5, 20.

³ Соціологічне опитування «Чи довіряєте Ви політичним партіям?» (динаміка, 2001–2013). Сайт Центру Разумкова <razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=82>.

⁴ Партийна система України: особливості становлення, проблеми функціонування, тенденції еволюції (2010). Національна безпека і оборона, 5, 22.

сутствие де-факто общенациональных партий, что подтверждается спецификой электоральных региональных различий на президентских и парламентских выборах. Регионализация социальной базы современных украинских партий, манипулирование особенностями социокультурного развития регионов поляризуют общество от выборов к выборам, препятствует формированию общегосударственной идентичности.

Основными технологиями предвыборной борьбы в Украине на протяжении последних десяти лет были: создание образа врага (вообще) и его персонализация в сопернике по предвыборной борьбе, культивирование различий в восприятии жителями западных и восточных регионов их общей политической истории, языковый вопрос и другие конфликтные технологии.

Результатом политических конструкций последних лет стал конфликт региональных идентичностей, на основе внедренного в общественное сознание тезиса о наличии непримиримых противоречий «двух Украин».

Характерную, для нестабильно развивающегося общества, динамику общественных настроений демонстрируют украинцы по отношению к органам исполнительной власти. Социологи фиксируют, что, несмотря на частую смену состава правительства и разницу в политических и региональных симпатиях в оценках его деятельности, наблюдается определенная положительная динамика по отношению к правительству. Так, полностью и в основном доверяли правительству Украины в 1994 году 11,4% респондентов, а в 2008 уже 18,5% опрошенных¹. В 2011 году этот показатель составил 17,9%².

Социологи отмечают также, что субъективное жизнеощущение украинских граждан в 2011 году по сравнению с 1998 годом существенно улучшилось: в 1998 году большинство (60%) считали, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», а в 2011 году около половины украинцев (53%) имели мнение, что «жить трудно, но можно терпеть». Вдвое, если сравнить с 1998 годом, увеличилось количество тех, кто считает, что все неплохо и можно жить – с 4% до 9%, однако, их численность, как мы видим, составляет, лишь небольшой процент населения³.

¹ Головаха, Є., Панина, М. (2008). *Українське суспільство 1992 – 2008: Соціологічний моніторинг*. Київ: Інститут соціології НАН України, 27.

² Рівень довіри до українських політиків (2011). *Україна і українці. Сайт Центру соціальних та маркетингових досліджень Соціс*. <<http://www.socis.kiev.ua/ua/realizovani-proekty.html>>.

³ Україні – 20: погляд соціолога (2011). *Прес-конференція Інституту соціології*

Это свидетельствует о том, что, несмотря глубокий системный кризис, трудности реформ, низкий в целом по стране уровень жизни, все-таки часть украинцев стали чувствовать себя более комфортно, чем в тяжкие 90-е годы. Более того, согласно опросам Центра Разумкова, в июне 2008 года 50,7% украинцев относили себя к среднему классу. Хотя по оценкам экспертов с учетом психологических и имущественных признаков, только 17,6% жителей Украины действительно являются представителями среднего класса.

Если же считать средний класс не только экономической категорией, но и основным двигателем демократических преобразований в стране, что предполагает его привлечение к общественной деятельности, тогда к среднему классу в Украине можно отнести, по мнению исследователей, лишь 2,6% граждан¹.

В то же время, характерной чертой всех лет Независимости было сохранение большой доли украинцев, которые не доверяют правительству. В 1994 году не доверяли правительству 50,8%, в 2008 году 53,78%², а в 2011 году 76,1% респондентов³. Социологические опросы в марте 2013 года показали, что этот показатель снизился до 52,4%.

Можно предположить, что резкое расхождение в уровне доверия к правительству свидетельствует о поляризации общества в оценках политического и экономического курса правительства, в зависимости от его региональной и партийной принадлежности, а высокий процент украинцев, не доверяющих правительству, является следствием негативной оценки его деятельности⁴. Имущественная дифференциация населения Украины по оценкам экспертов достигла критического уровня и составляет по разным данным около 1:40, что приближает Украину по этому показателю к латиноамериканским государствам⁵.

НАН України та Фонду «Демократичні ініціативи» ім. Ілька Кучеріва. <<http://dif.org.ua/ua/press/kperk>>.

¹ Середній клас – передумова демократичної перспективи України (2008). *Національна безпека і оборона*, 7, 48.

² Головаха, Є., Панина, М. (2008). *Українське суспільство 1992 – 2008: Соціологічний моніторинг*. Київ: Інститут соціології НАН України, 27.

³ Рівень довіри до українських політиків (2011). *Україна і українці. Сайт Центру соціальних та маркетингових досліджень Социс*. <<http://www.socis.kiev.ua/ua/realizovani-proekty.html>>.

⁴ Кузина, И. И. (2009). Доверие политическим институтам: сущность, детерминанты и украинский контекст. *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*, 15.

⁵ Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (2012). *Національна безпека і оборона*, 7–8, 28–55.

Необходимо отметить также волнообразную динамику отношения украинских граждан к правительству. Наивысший уровень доверия наблюдался в 2005 году, что было связано с большими надеждами украинцев на изменения к лучшему после «оранжевой революции». А самый низкий показатель относится к 2006 году, когда стало ясно, что лидеры Майдана не оправдали ожидания тех, кто за них голосовал.

Существует тесная взаимосвязь между легитимностью власти и стабильностью законодательной базы. Легитимность власти, опирающаяся на законы, обеспечивает эффективную поддержку действий власти со стороны людей и стабильность политической системы в целом, без которой невозможны любые преобразования. Политик при реализации своих планов и идей должен опираться исключительно на закон, так как беззаконие самой власти ведет к беззаконию в обществе, утрате веры в справедливость и моральное право стоящих у власти властвовать.

Изменения Основного Закона и перманентные политические дискуссиями о необходимости конституционной реформы свидетельствует об интенсивном конституционном транзите в Украине, который с одной стороны отражает динамику развития политического системы, с другой является результатом острой борьбы за власть основных участников политического процесса¹.

На доверие и легитимность власти также негативно влияет практика постоянной смены избирательного законодательства накануне очередных выборов. Частые смены законодательства, регламентирующего базовые основы жизни общества, свидетельствуют об отсутствии консенсуса среди политической элиты относительно основных направлений общественного развития. Состояние «лебедь, рак и щука» в современном украинском политикуме проецирует поляризацию общественных настроений, усиливает дифференциацию политической идентичности граждан относительно общественно значимых целей, основных векторов внутренней и внешней политики.

Нестабильность законодательных основ развития общества и слабая адаптация общества к законодательным процессам формирует правовой нигилизм среди населения. Причина не только в часто сменяемых законодательных формулах общественной жизни, что всегда характерно для трансформирующихся общественных

¹ Янішевський, С. О., Сало, І. С., Яблонський, В. М. (2011). Конституція в незалежній Україні: 20 років розвитку та механізми подальших змін. *Стратегічні пріоритети*, 2 (19), 7 – 16.

систем, а также и в том, что многие из них формулируются в угоду властвующей элите, без учета мнения социальных групп, чьи интересы они затрагивают. В законотворческих процессах слабо представлены институты гражданского общества, которые только набирают силу в Украине, однако, не считаются с которыми, как показал процесс принятия Налогового кодекса и Пенсионной реформы в Украине уже нельзя.

В целом, негативные тенденции в социальном самочувствии украинских граждан идут в разрез с одним из основных принципов эффективности власти – принципом поддержки, который предполагает, что для большинства людей действующие законы являются их законами. По этим законам построена их жизнь, и именно они помогли достичь этим людям успеха, статуса и благосостояния¹.

Таким образом, подводя итог выше изложенному можно сделать следующие выводы.

Проблема формирования консолидированной политической идентичности в Украине является одной из самых актуальных задач, стоящих перед украинским государством и обществом. Это обусловлено тем, что укрепление политической нации и государства, решение задач демократической трансформации возможно только на основе общих идентификационных ориентиров большинства населения.

В то же время, темпы и состояние процесса формирования коллективной политической идентичности в современной Украине не соответствуют потребностям общества в консолидации усилий для проведения эффективных демократических реформ. В частности, усиливает фрагментацию украинского общества и препятствует формированию консолидированной политической идентичности низкий уровень легитимности политической власти, который проявляется, прежде всего, в недоверии к политическим институтам: Президенту, парламенту, правительству, политическим партиям.

Отрицательно влияет на легитимность власти неустойчивость законодательных основ жизнедеятельности государства, отсутствие единой концепции правовой политики среди политической элиты, слабая адаптация общества к законодательным процессам, правовой нигилизм среди населения.

Недостаточно выраженная общенациональная идентичность обостряет противоречия между идентичностями и конфликтность

¹ Пашина, Н. П. (2009). Проблеми стійкості влади в контексті модернізації політичної системи в Україні. *Політологічні записки*, Вип. 1. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 140 – 149.

политического процесса, может спровоцировать гражданское противостояние, вплоть до раскола государства.

Поэтому актуальным заданием украинской политики должна стать реализация принципов легитимности и поддержки. Это приведет к образованию качественно нового типа отношений между субъектами и объектами власти – возникновению доверия, которое является основой формирования общегосударственной идентичности, представляющей собой согласие власти и граждан по поводу верований и ценностей.

Владислав Варинский

ДОВЕРИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ И ПРЕДПОСЫЛКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Studied trust as a component of social capital. The problem of lack of trust for the stable functioning and evolution of society is analysed. It is determined how trust affects the quality of life and increasing social exclusion. The place of trust in the structure of social capital is defined. It is demonstrate that deficit of trust blocks potentials, exhausts resources and testifies to the sickly state of public organism, unformed of social capital which provides social integrity, viability of society as to integrity. All that has negatively reflect at social, economic, human and public development.

Несмотря на определенные различия в трактовке исследователями сущности социального капитала, большинство из них признают, что социальный капитал формируется через наличие общих норм и ценностей, взаимного доверия и социальных сетей. Социальный капитал, воплощенный в виде норм и традиций социальной солидарности и разветвленной сети гражданского соучастия, является важной предпосылкой успешного общественного развития.

Сегодня теории доверия пересеклись с концепциями социального капитала, в результате чего появился отдельное исследовательское направление – изучение доверия как составляющей социального капитала. В современном политологическом дискурсе проблема доверия становится одной из самых актуальных, поскольку резкие, неожиданные социальные и политические изменения подрывают доверие индивидов как к государственным институтам, так и друг к другу, что исключает возможность формирования социального диалога в обществе и, соответственно, несет деструктивное влияние как на функционирование отдельных сфер общественной жизни, так и всего социума вообще. Доверие является неотъемлемой составляющей коммуникации, социальных отношений на всех уровнях организации общества. Дефицит доверия нарушает основы социальных отношений, что негативным образом отражается на различных аспектах функционирования общества.

Актуальность изучения проблематики доверия диктуется необходимостью поиска механизмов обеспечения социальной стабильности, устойчивости, предсказуемости социальных взаимодействий, минимизации рисков. Каковы условия формирования и обеспечения конструктивного социального диалога, социальной

ответственности? Как формируется и какой эффект от социального капитала в жизни общества и личности? Как доверие влияет на качество жизни, на растущую социальную отчужденность в отношениях между обществом и государством, человеком и властью? Эти открытые для исследовательского пространства вопросы ждут своего изучения. Требуется выяснения того, как социальный капитал как значимый нематериальный актив связан с человеческим развитием, возможностями раскрытия потенциала личности, социальной группы, организации, украинского общества.

Наибольший вклад в исследование феномена доверия осуществили Б. Барбер, Э. Гидденс, Дж. Коулмен, Н. Луман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, П. Штомпка. Направление исследования доверия как составляющей социального капитала представлен трудами П. Бурдье, Дж. Коулмена, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, которые основали научную традицию анализа социального капитала через категорию «доверие». Несмотря на значительное количество работ, степень научной разработанности темы доверия как составляющей социального капитала характеризуется теоретической фрагментарностью. Большинство ученых связывают социальный капитал с доверием, однако нет четко определенного места доверия в структуре социального капитала. Среди украинских исследователей проблематика доверия как предпосылки социального капитала основана Н. Левчук, Т. Новаченко, А. Паньковой, Т. Стеценко и др.

Цель исследования заключается в анализе доверия как составляющей социального капитала, изучение функционирования доверия и ее влияния на формирование социального капитала. Необходимо выяснить механизмы формирования социального капитала и доверия, как его важнейшей составляющей. Сейчас отсутствует не только четкое представление о месте доверия в структуре социального капитала, но и вообще нет общепринятой модели структуры социального капитала, в результате чего не хватает конкретики в определении других составляющих социального капитала, а соответственно, не установлено их взаимосвязи с доверием.

В социальном капитале есть три важнейшие компоненты: социальные отношения как таковые, благодаря которым индивиды могут иметь доступ к ресурсам своих партнеров по общению, а также объем и качество доступных ресурсов партнера общения; отношения взаимности обмена. Механизмы формирования социального капитала можно разделить на: 1) механизмы формирования и закрепления социальных норм, включая и нормы социального взаимодействия, 2) механизмы формирования социального доверия.

По мнению П. Штомпки, феномен доверия следует понимать как выраженное в действии, осуществленное в отношении партнера, ожидание, что его реакции будут для нас выгодным, то есть, осуществленная в условиях неуверенности ставка на партнера в расчете на его благоприятные для нас ответные действия¹. По мнению украинского социолога Т. Стеценко, доверие – это положительная морально-этическая, прагматическая или эмоциональная оценка социальным субъектом некоторого объекта с позиций его надежности и соответствия ожиданиям субъекта, выступает ориентацией на действие, импульсом к взаимодействию и характеризует готовность субъекта к кооперации².

В системе общественных отношений феномен доверия является: основным ресурсом формирования и накопления социального капитала, интегратором, который образует социальную целостность; отражением актуального сегодня и в прошлом опыта социальных взаимодействий, воспроизводя сложившиеся традиции, структуру и нормы взаимоотношений; разновидностью рационального отношения к настоящему и будущему за счет включения и поддержания системы развивающихся ожиданий; стремлением найти или установить определенную упорядоченность в поле взаимодействия для того, чтобы предупредить возможные риски, обеспечить безопасность и взаимовыгодность сотрудничества; инструментом адаптации к социально-экономическим условиям различных социальных групп за счет внутригрупповой и межгрупповой консолидации; символическим кредитом, который является одним из условий расширения возможностей социально-экономической жизни³.

Место доверия в системе социального капитала определяется тем, что последний является тем нематериальным ресурсом, продуктом отношений между субъектом и контактами его сети, обусловленных доверием, солидарностью, толерантностью и взаимностью, регулируемых нормами, ценностями, обязательствами и ожиданиями и детерминированных риском, контролем и недоверием, которые, функционируя в формах взаимопомощи, социальной

¹ Штомпка, П. (2005). *Социология. Анализ современного общества*. Москва: Логос, 342.

² Стеценко, Т. О. (2012). Проблеми вимірювання довіри в соціології. *Соціальні технології: актуальні проблеми теорії та практики*, 56, 156. <http://nbuv.gov.ua/j-pdf/staptp_2012_56_19.pdf> (2014, март).

³ Панькова, О. В. (2012). Доверие как основа формирования социального капитала в контексте развития человеческого потенциала Украины. *Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки*, 16, 104.

поддержки, общественной и социальной активности и инициативы, конвертируют его в другие формы капитала, в соответствии с целями и потребностями социального субъекта. Социальный капитал рассматривается как определенный потенциал общественного взаимодействия, является результатом доверия между и внутри различных групп и сообществ населения. Взаимодоверие является одним из главных мерил социального капитала¹. Способность образовывать определенные группы и объединения возникает тогда, когда члены группы имеют не только общие интересы, но и ожидают честного и надежного поведения от других, доверяют друг другу. Доверие в понимании Патнэма и Фукуямы – это осуществление ожидаемого, в частности честного, ориентированного на общие ценности, поведения². Ресурсы социального капитала увеличиваются с ростом доверия членов общины друг к другу и к власти. Доверие, основанное на вере и надежде, способствует коллективному взаимодействию, кооперации усилий, доступу к объективной информации. В обществе, где доверяют, люди видят перед собой надежду, опираются на глубинную жизненную силу, а губительное действие безнадежности проявляется в ухудшении психологического самочувствия населения, повышении риска самоубийств, алкоголизма, преступности и других проявлениях асоциального поведения. Доверие же является той «смазкой» (за Ф. Фукуямой), что облегчает социальную кооперацию, укрепляет социальные связи, уменьшает риск конфликтов, а следовательно – сокращает потребность в нелегитимных средствах достижения целей и асоциальных формах деятельности³.

Очевидно, сущность социального капитала определяется именно степенью взаимного доверия людей в обществе. Если в обществе есть взаимное доверие, то можно говорить и о наличии социального капитала. Именно доверие объединяет в одно целое отдельные индивидуальные капиталы людей на уровне трудовых коллективов, общественных движений, национальных и государственных сообществ. Суть социального капитала состоит в том, что общественное богатство создается благодаря контактам, активизации связей между людьми, на нем держится вся социальная целостность. Очень

¹ Левчук, Н. М. (2011). Асоціальні явища як наслідок дефіциту соціального капіталу в Україні. *Український соціум*, 1, 138.

² Фукуяма, Ф. (2006). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. – Москва: АСТ; Хранитель; Putnam, R. (1993). *The Prosperous Community. Social Capital and Public Life. The American Prospect*, 4, 1 – 12.

³ Левчук, Н. М. (2011). Асоціальні явища як наслідок дефіциту соціального капіталу в Україні. *Український соціум*, 1, 138.

часто ценные знания и умения выражены не в явной форме (документах, базах данных и т.д.), а проявляются в социальном опыте и ноу-хау отдельных членов общества. Такая ситуация характерна для институтов гражданского общества, где развитие и процветание во многом зависят от тесных отношений между людьми, основанных на уважении. Дж. Коулмен утверждал, что социальный капитал – потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который формируется в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы¹.

Одним из индикаторов, который способствует формированию и росту социального капитала, предпосылкой его формирования является социальное доверие граждан государству. Постсоветская тенденция – высокий уровень недоверия граждан органам государственной власти по причинам ее равнодушия к проблемам граждан, коррумпированности, стремлении государственных служащих в любой способ удержаться на высоких должностях. В объяснениях причин недоверия власти доминируют также и такие негативные оценки «людей государственных», как использование ими служебного статуса, незнание жизни сообщества, безнравственность, нечестность, непоследовательность слов и действий и т.п.

Для подсчета национального объема «социального капитала» применяются два показателя: индекс доверия и членство в общественных объединениях. Примерный уровень социального капитала измеряют с помощью социологического опроса. Однако точную информацию о его состоянии и трансформацию можно получить с помощью регулярного мониторинга процессов, связанных с развитием и укреплением социального доверия в обществе. Украинские социологические центры фиксируют перманентный процесс снижения доверия почти ко всем государственным институтам. По результатам опроса Фонда «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива, в мае 2013 г. доверие к ряду государственных институтов достигло самых низких показателей за все время проведения опросов: в Верховную Раду Украины (баланс доверия-недоверия составляет -60.5%), судов (-56%), политических партий (-52%), правительства Украины (-49%), милиции (-47%), прокуратуры (-43%), Президента Украины (-43%), Конституционного суда Украины (-38%), Службы безопасности Украины (-14%). В то же время росло доверие к негосударственным учреждениям: церкви (в мае 2013

¹ Коулман, Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*, 3, 124.

ей доверяли 70%, не доверяли 20%); средствам массовой информации Украины (в декабре 2005 доверяли 35%, в мае 2013 уже 58%), общественным организациям (в июне 2010 г. им доверяли 26%, в мае 2013 г. – около 38%). Доверие к Вооруженным силам Украины колеблется, однако преобладает доверие, с достаточно постоянным балансом +10%. Несколько возрастает доверие к местной власти (в 2006 г. баланс составлял 16.3%, в мае 2013 г. – 5%). Обратим внимание, что в момент этого опроса еще не было сильных общественно-политических раздражителей – приостановления евроинтеграционного процесса с последующим его возобновлением, человеческих жертв, дебатов о федерализации, обострения внешнеполитических взаимоотношений Россией.

Для того, чтобы люди доверяли органам власти, необходимы очевидные конкретные результаты государственной деятельности по улучшению условий их жизни. Нельзя трактовать как патерналистские ожидания людей, чтобы государство решало проблемы, с которыми люди сами справиться не могут. Необходимым условием роста доверия является регулярное информирование органами власти население о результатах своей деятельности. Для восстановления доверия в обществе в первую очередь государство должно проводить политику «не обмани», «не подведи», «выполни обещанное». Задержка заработной платы работникам бюджетной сферы, неиндексированные пенсии, пропавшие вклады населения, ограничения прав человека, ощущение незащитности граждан перед внешнеполитическими вызовами, коррупция углубляют уровень недоверия к органам власти. Для того, чтобы у людей было настроение на возрождение благосостояния страны требуется, прежде всего, доверие народа чиновникам, уверенность людей в том, что благосостояние страны является результатами их труда, доверия народа к органам исполнительной власти, объединения людей в общественные движения, защищающие их права и интересы. Учитывая указанное именно государство должно играть решающую роль в восстановлении взаимного доверия, становясь честным и открытым в отношении своих граждан. Если политика государства будет целенаправленная, то уровень социального капитала, несомненно, будет расти, что увеличит резерв прочности при построении гражданского общества.

Вырисовывается тенденция устойчивого недоверия не только к органам власти, но и к политическим партиям, поскольку с ними незначительное количество граждан связывает возрождение благосостояния страны. Об этом свидетельствуют, в частности, антипартийные лозунги, выдвинутые Евромайданом (антипартийная

идея – «Долой политиков», «Долой партии», акции без партийных флагов), проведение многочисленных идеологически разнонаправленных митингов начиная от ноября 2013 с минимумом партийной символики или вообще без нее. Доверие к партиям разрушено действиями партийных функционеров. Доверие к правительствам разрушалась годами очевидной масштабной коррупцией и массовым обнищанием народа. Для многих людей осталась только вера в Бога, а через нее – доверие к церкви. А государственным институтам, как выше было сказано, украинское население выражает крайне низкий уровень доверия. Население Украины выражает высокий уровень доверия семье и родственникам, а начиная с января-февраля 2014 г. фиксируется всплеск доверия к различным отрядам самообороны, патрулям, созданными силами самих территориальных общин для обеспечения правопорядка. Кроме того, растет доверие общества, территориальных общин самим к себе, как силе, которая может продвигать изменения.

Украинская исследовательница Т. Стеценко сконструировала теоретическую структурно-функциональную модель социального капитала, в которой определено место доверия. Структурными элементами модели выступают: социальные актёры; круга общения субъекта социального капитала, организованные в соответствии с социальной дистанцией между ним и его контактами; собственно социальная сеть контактов субъекта социального капитала. К функциональным элементам исследовательница относит: 1) интегрирующие: доверие, солидарность, толерантность, взаимность; 2) регулирующие: социальные нормы, социальные и культурные ценности, обязательства, социальные ожидания; 3) защитные: риск, контроль, недоверие; 4) целедостигающие: взаимопомощь, социальная поддержка, общественная активность, социальная активность, социальная инициатива¹.

В системе социального капитала доверие целом осуществляет функцию образования социальных связей, тем самым формируя социальный капитал и в дальнейшем поддерживая связи в его системе. Недоверие же, с одной стороны, ограничивает взаимодействие социального субъекта, уменьшая как риски от взаимодействия с другими, так и потенциал его действия, с другой – создает необходимость поиска новых контактов для формирования социальных отношений, тем самым обновляя сеть контактов субъекта

¹ Стеценко, Т. О. (2013). *Довіра як складова соціального капіталу*: автореф. дис. ... канд. соціол. наук. Київ: Інститут соціології НАН України, 6 – 8.

социального капитала. Несмотря на то, что недоверие понимается как стратегия, ограничивающая действия социального субъекта и круга его знакомств, существует другая сторона этого феномена, который определяется тем, что динамика реструктуризации социального капитала потенциально может быть значительно выше у субъектов, которые в основном придерживаются стратегии недоверия. Поэтому формирование социальной сети социального капитала во многом зависит как от доверия, так и от недоверия.

Доверие как фактор, инструмент и средство накопления социального капитала отражает актуальный, прошлый, индивидуальный и социальный опыт индивида, социальной группы, социума. Доверие демонстрирует характер и уровень развития социального партнерства, как на уровне общества, так и отдельных его сфер на основе межличностного, межгруппового, межинституционального взаимодействия, которое призвана обеспечить согласованность, устойчивость жизнедеятельности социума. Недооценка этого фактора взаимодействия приводит к нерациональным расходам во времени и ресурсах, к непредсказуемости, неопределенности, рисков в различных сферах общественной жизни, к снижению адаптационного потенциала населения¹.

Отношения доверия-недоверия между социальными субъектами в любой сфере имеют или конструктивный, или, наоборот, деструктивный характер. В первом случае возникает, понимание, диалог между социальными субъектами, при недоверии теряются связи, сужаются и трансформируются социальные сети, меняются партнеры, ущемляются игнорируются социальные интересы партнеров формируется негативный имидж.

Атмосфера доверия между индивидами, социальными группами, социальными субъектами, а также к институтам определяет социальную эффективность совместной деятельности, взаимовыгодность, снижает косвенные экономические издержки и риски, обеспечивает надежность, гарантированность, определенного рода стабильность в социальных отношениях на всех уровнях, укрепляет целостность социальной ткани и превращает социальные сети общества. Это способствует его устойчивому развитию и процветанию, независимости и самодостаточности, что в нестабильных

¹ Панькова, О. В. (2012). Доверие как основа формирования социального капитала в контексте развития человеческого потенциала Украины. *Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки*, 16, 104.

условиях рынка является жизненно необходимо и для самого общества, и для каждого гражданина¹.

Для восстановления доверия людей к органам государственной власти нужны: регулярное информирование граждан о прозрачности, открытости, результатах деятельности власти; дальнейшее развитие информационного общества; независимые СМИ. Развитию доверия в системе «власть – гражданин» способствует развитие е-управления, которое улучшает демократичность управления через интерактивную (более открытую форму) взаимодействие с другими общественными акторами: деятельность в он-лайн, которая улучшает доступ граждан к правительственной информации, услугам и советам для обеспечения участия граждан и удовлетворение процессом управления. Например, правительственный портал Сингапура не только предоставляет информацию о государственных органах, но и позволяет совершить некоторые действия, для которых раньше население было вынуждено посещать государственные учреждения. Е-управление выступает синонимом современного инновационного государства, центральные элементы которого – качество, доверие и оперативность.

Мощным инструментом взаимодействия между государством и гражданским обществом посредством современных информационно-коммуникационных технологий является е-консультации в многочисленных формах (web-страница, на которой подаются избранные вопросы от граждан с ответами за подписью лиц уполномоченных на принятие решений в организации, возможность комментировать размещенные в он-лайне статьи или документы; on-line секция для вопросов приглашенным лицам; on-line конференции (1-3 недели), что позволяет виртуально собрать участников отдаленных физически друг от друга, использование on-line инструментов (списки рассылки по электронной почте); чат, который благодаря развитому программному обеспечению позволяет взаимодействовать в реальном времени, даже если интенсивность диалога ограничена; этим завоевывается достаточно большая аудитория в специфическое время; on-line опросы и исследования и т.д.).

Развитие культуры доверия в Украине является базовым условием формирования социальной целостности, жизнеспособности общественного организма, достижения общенационального согласия и адаптации населения к изменяющимся условиям, раскрытия

¹ Панькова, О. В. (2012). Доверие как основа формирования социального капитала в контексте развития человеческого потенциала Украины. *Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки*, 16, 104.

потенциала, как общества, так и личности. Дефицит доверия блокирует потенциалы, истощает ресурсы и свидетельствует о болезненном состоянии общественного организма, несформированности социального капитала, который обеспечивает социальную целостность, жизнеспособность общества как целостности, что отрицательно сказывается на социальном, экономическом, человеческом, общественном развитии.

В условиях нестабильности роль доверия как ресурса, который направлен на обеспечение устойчивости, порядка и стабильности общественной системы в целом и отдельных ее сфер весомая и значимая, поэтому необходимо развивать культуру доверия на принципах взаимовыгодного сотрудничества, социальной ответственности. Это обеспечит предупреждение глобальных и локальных рисков, а развитие конструктивного социального диалога, будет способствовать повышению качества жизни населения, положительному социальному самочувствию, что в итоге формирует плотную социальную ткань, стабильные устойчивые социальные отношения, относительную предсказуемость ситуаций и их последствий.

Ольга Алалыкина

МЕХАНИЗМЫ РОТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

The article is devoted to the problem of political theory and practice – the study of mechanisms of rotation of political elites in a democratic society. The specificity of the formation of political elites at different stages of historical development. It is noted that at present the mechanisms of rotation of political elites stipulated the formation of postmodern (information) society mediatization of politics, the transition from authoritarian to democratic political regime. Analyzed the characteristics of interaction elites in a democratic transit.

Проблема формирования эффективных механизмов ротации политических элит выступает одной из актуальных для политической теории и практики демократических политических преобразований. Роль элит в современных демократических странах трудно переоценить: они выполняют важные функции политического управления, агрегации и представительства групповых интересов, идеологизации политического пространства, определения общественного интереса (интегративную), коммуникативную и др.

В исследованиях взаимодействия элит возникает необходимость учитывать формирование коммуникативных механизмов взаимодействия власти и общества, элитных групп, представителей масс-медиа под влиянием процессов медиатизации политики, плюрализации политического пространства, демократизации социальных отношений, а также объективно оценить такое негативное явление, как безответственность элит, которая препятствует реализации принципов демократической политической деятельности.

Исследование феномена политической элиты приобретает особую актуальность в переходные периоды, которые сопровождаются кризисом доверия между обществом и властью, необходимостью поиска механизмов повышения эффективности деятельности элит, демократизацией процесса принятия и реализации политических решений.

Политическая элита в научном дискурсе интерпретируется в этически нейтральном значении, что обусловлено исторически и методологически. Во-первых, политическая элита характеризуется значительным влиянием на власть и управление, конкуренцией за доступ к властным ресурсам, динамизмом, иерархией. Во-вторых,

по своей сути, политическая элита – это не только те, кто занимает соответствующие должности (элита по формальным признакам), но и те, кто на разных этапах играет важную роль в принятии политических решений, реализации политического курса, то есть – субъекты политической деятельности.

Современная политическая теория характеризуется постоянным вниманием к проблеме ротации политических элит, ее конституционно-правовых, институциональных, коммуникативных и процессуальных оснований. Среди зарубежных авторов, исследующих теоретические и практические измерения деятельности политических элит и политического класса в условиях демократии следует отметить Т. Боттомора, Р. Дарендорфа, А. Лейпхарда, Й. Шумпетера, Р. Даля, Ю. Хабермаса, Д. Растоу и др.

Несмотря на особенности политической системы каждой демократической страны и различия в механизмах ротации политических элит, которые сформировались исторически, процесс ротации политических элит – это важный признак демократического политического режима, его отличительная черта, по сравнению с тоталитаризмом и авторитаризмом.

Исследованию роли и функций политических элит в украинском обществе посвящены работы В. Бебика, Е. Быстрицкого, М. Головатого, В. Горбатенко, Б. Кухты, С. Макеева, М. Михальченко, С. Намкиной, М. Обушного, А. Пахарева, Ю. Шайгородского, Ю. Шведы, Д. Яковлева и др.

В то же время, проблема конструирования оптимального и эффективного механизма ротации политических элит в Украине с учетом специфики механизмов и принципов ротации политических элит в различных моделях демократии и опыта демократических преобразований последних лет требует дальнейших исследований.

Цель данной научной статьи заключается в политологическом анализе механизмов ротации политических элит в условиях демократического общества. Теория политических элит в современном познании выступает в качестве одной из важных объяснительных схем, ее элементы присутствуют в идеологических доктринах – от либерализма до коммунизма.

Источники элитарного подхода к политике и искусству управления государственными делами можно найти в работах Конфуция, Платона, Аристотеля. Они считали, что господствовать в сообществе должны лучшие: совершенные моральные правители у Конфуция, мудрые (философы) у Платона, «средние» в «политии» Аристотеля.

В теологических доктринах Средневековья появляется феномен «цезарепапизма», как сочетания власти светской и церковной в лице императора и идея о «двух мечях» власти (автором которой является Геласий), которые находятся в руках Папы Римского.

На следующем историческом отрезке развития элитаризма Н. Макиавелли, как первый современный политический теоретик дал советы по «технике получения и удержания власти группе государственных мужей, которая оторвалась от средневековых феодальных и религиозных клик», он исходил из необходимости применения насилия для разрешения конфликтов.¹ Обращаясь к правителям, Н. Макиавелли советовал им быть одновременно львами и лисами, если не удастся разрешить конфликт благодаря праву.

Идея разделения властей и ротации должностных лиц становится общим знаменателем политических доктрин Нового времени и выражается в произведениях Гуго Гроция, Джеймса Гарингтона, Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо, Шарля Луи де Монтескье и др.

В частности, Дж. Гарингтон, представлявший республиканские взгляды на государственное устройство, сравнивал ротацию государственных служащих с кровообращением. Он подчеркивал необходимость ротации, тайного голосования, разделения властей и считал, что «Судьи должны избираться на короткие сроки, обычно на год и должны быть лишены права вновь избираться сразу после окончания срока полномочий... Справедливая республика... это управление, которое основывается на равных законах и воплощается в надстройке или в трех общественных группах : в сенате, что ведет споры и выносит предложения, в избирателях, решающих голосованием, и в государственных чиновниках, которые формируются на основе равноправного ротации через голосование избирателей на основе баллотирования».²

Классические теории элит Г. Моска, В. Парето и Р. Михельса объединяют идеи разделения общественных групп на элиты и не-элиты. Эти авторы исходили из естественности соперничества, конфликтов и существенных расхождений, которые постоянно возникают внутри элит. Для сохранения власти элиты прибегают к насилию и иррационализму, навязывая массам откровенно ложную картину политического мира.

¹ Байме, К. (2008). *Політичні теорії сучасності*. Київ: Стилос, 350.

² Себайн, Дж. Г., Торсон, Т. Л. (1997). *Історія політичної думки*. Київ: Основи, 450.

Так, Г. Моска различал либеральный и автократический режим именно по механизму рекрутирования элит: «Если власть передается сверху вниз так, что низшего функционера выбирает выше, то речь идет о автократический режим. Если же власть делегируется снизу, то режим следует называть либеральным. Автократический режим допускает существование автократа, т.е. личности, олицетворяющей институт власти. Либеральный режим, наоборот, функционирует на основе надлежащей организации избирательной системы»¹

Г. Моска считал, что одним из главных условий существования демократической модели является обновление элит путем ротации через механизм демократических выборов. Р. Михельс сформулировал «железный закон олигархии», который отражает процесс отчуждения политических элит.

Изучая работы В. Парето, Г. Моски, Р. Михельса следует обратить внимание на следующие положения:

- определение роли правящих и не-правящих элит в политической деятельности, революции, как средства ускоренной ротации политических элит и циркуляции элит (В. Парето);
- обоснование функций правящего класса и государственной бюрократии в политическом процессе (Г. Моска);
- олигархизация как неизбежная форма организации партийных структур (Р. Михельс).

Для исследования механизмов ротации политических элит важно мнение М. Вебера о легитимности политического господства, которое обосновывается традиционным путем, харизмой лидера, или рационально-легальными средствами политической конкуренции.

На опасности закрытости элит, замкнутости аристократического круга, несмотря на ведущую духовную миссию аристократии, подчеркивал Н. Бердяев. Преодолению бюрократизации партийной системы должны способствовать механизмы, предложенные М. Острогорским: – выполнение партиями функций презентации и артикуляции социальных интересов, а не получение преференций для партийной элиты; – индивидуальная политическая ответственность, а не коллективная партийная.

По мнению К. Байме, «исторически совсем не случайно, что теория элит была сформулирована сначала в таких странах, как Италия и Германия, которые развивались относительно диспаритетно

¹ Шведа, Ю. Р. (2010). *Вибори та виборчі системи. Європейські стандарти та досвід для утвердження демократії в Україні*. Львів, 2010.

и имели большие трудности с парламентской формой правления... Именно «запоздалые нации» еще сегодня имеют особенно плохое отношение к применению понятия «элита», и многие исследователи пытаются – после неправильного использования, которое употребляли к тому же в фашистских системах – избегать слова «элита».¹

В современных теориях элиту преимущественно противопоставляли понятию массы и преподносили идею элиты как спасение от вырождения массового общества. Дальнейшее развитие теории политических элит связывается с либеральной доктриной, которая сформировала собственное отношение к ротации элит в борьбе с идеологическими доктринами коммунизма, фашизма и национал-социализма. Последние отвергали практику либеральной политики и претендовали на формулирование новых философских, политических и идеологических принципов взаимодействия элиты и народа (массы).

Представляя себя как «правдивые» демократии, коммунизм и фашизм клеймили либерализм как псевдодемократию. При этом тоталитарные режимы уничтожили гражданские свободы и права, для защиты которых и создавались демократические конституции с принципами паритета и распределения власти. В основе доктрин коммунизма и фашизма находилась идея коллективизма. Они «отрицали, что первоочередной целью правительства является защита прав и свобод, и также, что индивидуальное человеческое существо является компетентным судьей как своих собственных первоочередных интересов, так и стратегий и практик, которые должен соблюдать правительство, чтобы защитить общие или социальные интересы. Оба ввели коллективную сущность – расу в случае фашизма и общество в случае социализма – как обладателя стоимости высшей чем индивиды, и изображали человеческие существа как факторы или органы коллектива. Оба также изображали политику как тайну сверхобычной человеческой понятливости и понимали ее как функцию элиты, наделенной особыми способностью и талантом. Фашизм представлял эту способность как инстинкт или гениальность. А коммунизм представлял это как высший тип науки и поэтому прерогативу экспертов, обученных распознавать необходимый курс по которому должен идти исторический прогресс»².

В отличие от тоталитарных идеологий, которые воспринимали политику как сферу деятельности элит, гениев и вождей,

¹ Байме, К. (2008). *Політичні теорії сучасності*. Київ: СтилоС, 349.

² Себайн, Дж. Г., Торсон, Т. Л. (1997). *Історія політичної думки*. Київ: Основи, 644.

демократический политический режим строится на тезисе либерализма и призван решать проблемы, которые возникают в политических и социальных отношениях между людьми.

Претензии фашистского или коммунистического лидера на высшие качества в понимании политики и интересов народа ставятся под сомнение с точки зрения либерального подхода к политике, как сферы господства рационализма и морали. При этом «коммунистические претензии на высшую форму научного знания были по форме рациональными, но нарушали фундаментальный принцип либерализма – что социальные отношения являются по сути моральными отношениями... либеральная политика всегда считала политического эксперта по создателя политики, чье окончательное решение было не просто оценкой причин или подсчетом шансов, а суждением честной игры, или справедливости, или долгосрочные интересов, или общего благосостояния, – значит, в последней инстанции этическим суждением о том, что должно было бы произойти, скорее чем фактическим суждением о том, что произойдет».¹

Национал – социалистическая идеология предлагала собственную трактовку отношений народа, элиты и вождя, которая исходила из того, что люди не равны от природы (здесь можно вспомнить и т. н. «Расовую теорию» нацизма), а создают иерархию руководителей и подчиненных. Политические институты должны различать эту индивидуальную стоимость : в центре системы находится вождь, его окружают ближайшие последователи (правящий класс или элита). Массам противопоставлялась естественная аристократия, элита, которая выражает волю народа, обеспечивает духовное и интеллектуальное руководство, а ее отбор – это естественный процесс, который противопоставляется механическому подсчету голосов в условиях демократической процедуры выборов и голосования.

В середине XX века, в пределах демократического политического дискурса, сформировались две основные школы исследования элит: «макиавеллистская» и «элитного плюрализма». Основным механизмом легитимации политических элит в условиях демократического политического режима выступает рациональный отбор и рекрутирование управленцев, начиная с системы образования и заканчивая выборами. Однако, по мнению К. Мангейма, три способа селекции и ротации элит – кровь, собственность и достижения, комбинируются и сочетаются в демократии. Теория плюрализма элит исходит из наличия в обществе разветвленной системы социальных групп,

¹ Себайн, Дж. Г., Торсон, Т. Л. (1997). *История политической думки*. Київ: Основи, 645.

которые защищают собственные специфические интересы, сдерживает возможность монопольного сосредоточения власти в руках одной группы элит.

В теориях Й. Шумпетера (теория демократического элитизма), А. Лейпгарта (теория демократии в плюральных обществах) и Р. Даля (теория полиархии) выделяется одна из главных проблем политического управления в условиях демократии: монополизация политического рынка со стороны элитных групп, элиминирования демократических принципов ротации элит и, как следствие, обострение конфликтов между властью и обществом.

В ответ на эти вызовы Й. Шумпетер предлагает свободное соревнование между представителями конкурирующих элит за голоса избирателей, А. Лейпгарт подчеркивает необходимость плюрализма элит в демократии социального согласия, а Р. Даль предлагает модель полиархии, а борьба за должности между политически активными гражданами. Для модели полиархии определяющими становятся не только выборы, а институциональные гарантии демократии, которые включают свободу ассоциаций, свободу слова, право избирать и быть избранным, право на альтернативные источники информации.

Одной из основных проблем в процессе демократического транзита украинского общества выступает поиск оптимальной модели ротации политических элит. Это обусловлено особенностью транзита, касающегося одновременно всех сфер общественной жизни – от политики и экономики до культуры и образования.

И если на первом этапе транзита авторитарные элиты могут выполнять позитивную роль инициирования демократических реформ, обеспечения стабильности в обществе и представительства интересов, то окончательный демократический транзит невозможен без преодоления авторитарных тенденций при сохранении плюрализма групп и баланса, паритета различных конфессиональных, этнических, культурных и гендерных групп. В таких условиях проблемы мировоззренческих ориентаций политического класса, повышение уровня политической культуры элит и политической активности граждан, осознания места и роли политической власти, ответственности за свой рациональный выбор форм и направлений деятельности со стороны элит становятся одними из главных. Взаимодействие элит превращается в силовое поле политической деятельности, в который постепенно втягиваются все общественные проблемы (от языка и истории к финансам и собственности). Именно от уровня взаимодействия элит в украинском

обществе в определенной степени зависит успех демократических преобразований.

На повестке дня формирование эффективных механизмов ротации политических элит в условиях демократического общества находятся:

- повышение уровня политической культуры власти и общества с помощью образовательных программ и мероприятий, направленных на коммуникативное взаимодействие представителей различных национальных, культурных, конфессиональных групп, обеспечения гендерного равенства и паритетного представительства в органах власти;
- преодоление угрозы монополизации власти со стороны элитных групп через механизмы повышения гражданской активности и привлечения институтов гражданского общества к процессу принятия политических решений;
- восстановление доверия в отношениях «власть – общество»;
- внедрение модели выборов, которая бы гарантировала максимально широкую презентацию интересов общественных групп (национальных, конфессиональных, гендерных);

В XX веке в исследованиях взаимодействия элит актуализируются следующие проблемы:

- монополизация политического рынка со стороны элитных групп (Й. Шумпетер);
- элиминирования из политического пространства демократических принципов ротации элит (Р. Даль);
- обострение конфликтов между властью и обществом (А. Лейпхард);
- усиление конкуренции элит (М. Олсон).

Для обеспечения демократических механизмов ротации политических элит в условиях паритетной демократии важными факторами становятся также контроль парламента над исполнительной властью, верховенство права, обеспечение свободы слова и собраний, отсутствие цензуры, защита прав меньшинств.

В современных условиях ротация политических элит обусловлена следующими социальными факторами:

- становление информационного общества. Один из главных вызовов современности заключается в том, что социальная основа политической власти постепенно трансформируется и замещается или опосредуется массовыми коммуникативными процессами и обуславливает соответствующий формат публичной интеракции элит, влияет на ротацию элит;

- отказ от авторитарного стиля правления в пользу механизмов осуществления власти демократическим путем. Осознание растущей необходимости политического участия индивидов в демократическом процессе приводит к мифологизации и гиперболизации степени их участия в процессе принятия политических решений информационной эпохи, усиливает политическую ответственность элит.

Анализ процесса ротации элит открывает новые возможности для рационального, более адекватного понимания отношений, которые формируются в нестабильных обществах с политическими и государственными институтами, изменяются.

В современных условиях ротация элит обусловлена коммуникативными факторами: политическая деятельность элит начинается с процесса интерпретации информации, взаимодействие элит разворачивается в специфическом коммуникативном пространстве, структура и правила которого формируются под влиянием СМИ.

Таким образом, несмотря на особенности политической системы каждой демократической страны и различия в механизмах ротации политических элит, которые сформировались исторически, процесс ротации политических элит – это важная характеристика демократического политического режима, его отличительная черта, по сравнению с тоталитаризмом и авторитаризмом.

Литература:

1. Байме, К. (2008). *Політичні теорії сучасності*. Київ: Стилос.
2. Себайн, Дж. Г., Торсон, Т. Л. (1997). *Історія політичної думки*. Київ: Основи.
3. Шведа, Ю. Р. (2010). *Вибори та виборчі системи. Європейські стандарти та досвід для утвердження демократії в Україні*. Львів, 2010.

Сергей Лазарев

ТЕОРИЯ МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

The article analyzes possibility of application of resources mobilization theory for description of political resources. Description of resources mobilization theory is given and its signs and characteristics which can be used in a political aspect are distinguished. Also, some aspects of political movements are studied for description of collective action; the modern understanding of political changes is given within the framework of linear and nonlinear processes; the theory of collective conduct in aspect of political resources is analyzed.

Понять сущность эволюционных изменений в политике, постепенного реформирования политической жизни, упорядоченности политических структур и политических преобразований можно, рассматривая их в системе политического процесса, политических изменений и политического развития. Как свидетельствует политическая мировая история, следует различать такие ключевые понятия современной политической мысли, как политический процесс, политические перемены и политическое развитие.

Историческая реальность показывает, что изменение политического строя, отмена правительства, создание новой конституции, формирование политической культуры, голосование в парламенте, осуществления политических реформ, издание указа т.п. – действия разнопорядковые. Все эти действия не вытекают автоматически друг из друга. Политическую систему или политическое сознание нельзя так быстро и так легко изменить, как, например, состав или правительства. Такие изменения отличаются по субъектам создания, по времени, по своим масштабам и глубине. Однако, в результате различных политических действий, взаимодействия политических институтов, принятия и реализации политических решений формируется и развивается политический процесс. В Украине процессы трансформации сопровождаются изменениями в понимании гражданами собственной роли в процессе управления общественными процессами, что в целом приводит к формированию института гражданского общества и постепенного накопления опыта неформальной организационной активности.

Задачей политологии становится анализ теоретических моделей, которые развиваются в различных исследовательских подходах, в

большинстве случаев, для концептуализации реальности политических движений, их верификация в эмпирической реальности и разработки новых направлений исследований с целью объяснения проявлений политических движений. Все это указывает на актуальность и своевременность данного исследования, особенно в рамках теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов, которые складывались в рамках отдельных индустриально развитых обществ.

Объектом данной статьи является политические ресурсы общества. Предметом – теория мобилизации политических ресурсов.

Целью статьи является выделение главных составляющих теории мобилизации ресурсов для дальнейшего использования в политическом поле. Для достижения цели следует решить следующие научные задачи: очертить рамки социально-политических движений для характеристики коллективного действия; дать современное понимание политических изменений в рамках линейных и нелинейных процессов; проанализировать теорию коллективного поведения аспекте политических ресурсов; изучить подходы различных авторов относительно теории мобилизации ресурсов.

Общественное движение следует рассматривать как теоретический конструкт, который можно характеризовать как специфический, конфликтный тип коллективного действия, которая базируется на солидарности и нарушении традиционных границ системы. Базовыми идеями новых общественных движений выступают качество жизни, протест против символических кодов, реализация права каждого на культурную и социальную самобытность. Для новых общественных движений характерен новый тип коллективного действия, где индивидуальная идентичность доминирует над коллективным. Это создает новые формы гражданской активности, а гражданское участие определяется тенденцией к большему вмешательству граждан в процесс принятия решений на локальном, национальном, глобальном уровнях¹. Насколько эти теории способны объяснить противоречивую политическую реальность – это важный вопрос, на который должны быть даны ответы на научной уровне.

Политические изменения – это нарастание нового в структурных и функциональных особенностях политических явлений, что обеспечивает как самовоспроизводство, так и обновление общественно-политического организма. Глубинные политические изменения

¹ Тимофеева, Л. Н. (2009). Политическая коммуникативистика: проблемы становления. *Полис*, 5, 14.

становятся фактом только после нескольких или даже многих циклов самовоспроизводства политической системы. Системно циклическое развитие свидетельствует о переходе к качественно новому состоянию, к обновлению общественно-политического организма. В этой связи нельзя смешивать такие политические явления, как смена правительства и изменение политического строя.

Политические изменения, динамика политической жизни не сводятся к линейным процессам. Любой общественный процесс несет в себе скрытые нелинейные параметры. Человеческая история как целостный процесс саморазвития имеет нелинейный характер. Пример тому – история Украины с ее неожиданными поворотами, падениями и взлетами. Или другой пример: современные социальные процессы и явления нельзя объяснить только формационной теорией. Прогресс мирового сообщества не укладывается в схему развития и смены общественно-экономических формаций, поскольку последние не могут отразить всю сложность реального мира. Не случайно наука обратилась к таким понятиям, как эпоха и цивилизация. Однако, это не исключает и того, что линейные связи вполне оправданы. И даже процесс, который может казаться эволюционным при слабом уровне инновации, на самом деле является результатом сложного взаимопроникновения явлений.

Понятие « политические изменения » не означает отрицания абсолютно всего того, что было приобретено в предыдущем цикле развития политической жизни, политической системы, и признание только новых элементов и связей, не существовавших ранее. Напротив, политические изменения включают воспроизведение с максимальным осознанием всего основательного, корневого и глубинного. Они предусматривают также создание по-новому нетрадиционных сторон или свойств жизнедеятельности политических систем и их структур.

Новая, измененная политическая система в состоянии функционирования вытесняет традиционное. Наряду с этим, происходит создание нового на более высоком уровне. Изменяется режим политического процесса. Такие изменения требуют нового содержания и форм политической упорядоченности национальной политической системы и мирового политического порядка.

Изменение порядков – это смена эпох в развитии человечества. Современное общество вступило во всемирную эпоху изменения порядков. Такое изменение происходит неравномерно, по разным осям многомерного развития. В условиях политических изменений уровень неупорядоченности социально – политической жизни

может достичь критической точки. Чтобы политические изменения давали целесообразный результат, уровень неупорядоченности не должен превращаться в хаос, иначе изменения теряют смысл и трансформируются в разрушительный и угрожающий процесс. Наиболее типичными признаками такого состояния общества являются: разнообразие политических ориентаций при отсутствии очевидного доминирования хотя бы одного из них; быстрая смена политических приоритетов; вспышки экстремизма; склонность к использованию крайних средств политического влияния и других форм силового давления на власть, а со стороны власти – обращение к уголовным и административным мерам там, где можно использовать политические меры, отсутствие четко определенных прав; неумение регулировать политические конфликты, отношение к политике как к жесткой системе иерархических связей, не допускает ни отклонения от намеченной линии поведения или, наоборот, как к неограниченной сфере реализации эгоистических, узкогрупповых интересов, ориентация большинства участников политического процесса на политический радикализм с его устойчивой склонностью к решительным действиям в политике; обращение к быстрым и простым решениям в решении сложных проблем, чувство собственной правоты и др.

Таким образом, политический процесс и политические перемены безусловно связаны между собой. Процесс и изменения в своей взаимозависимости обеспечивают политическое развитие. Политический процесс олицетворяет непрерывность развития, а политические перемены его дискретность.

Политическое развитие предполагает переход из одного политического состояния в другое, качественно более совершенного, от простого к более сложному на основе роста и изменения политической культуры, овладения совершенными формами политической деятельности. То есть, политическое развитие осуществляется в двух взаимосвязанных, но разных планах – процесса и изменений. Постепенность их преобразований на основе продвижения вперед является эволюция политического развития. В этом аспекте, важным является обращение теории новых социальных и политических движений. В рамках этой теории политическое движение рассматривается как реакция на процесс политической модернизации, как протест против технократии. Важными аспектами являются создание новой коллективной идентичности и изменение политического контекста.

Для данного исследования также важна общая теория развития, согласно которой исторический процесс развивается по

специфической логике в определенном направлении, в соответствии с историческими закономерностями и характеризует политические движения как признаки текущих политических изменений, которые появляются в моменты кризисов или революционных прорывов. Настоящая же причина изменений лежит в сфере исторической необходимости. Теории, пришедшие на место теории развития, сосредоточились на творческой роли человеческой деятельности и отстаивают случайную, открытую природу исторического процесса, определяют политическое движение совсем иначе, утверждая, что именно политические движения являются создателями, конструкторами социальных изменений.

Рассматривая теорию мобилизации ресурсов следует обратиться к работам Дж.Фримана, в частности к «Политике женского освобождения: исследование возникновения социального движения и его соотношение с политическим процессом», в которой социолог объясняет процесс возникновения и развития движения и при этом использует понятие мобилизации ресурсов. Дж.Фриман объясняет как разные ветви социально – политического движения используют различные методы и достигают, соответственно, разных результатов. Две основные ветви движения имели различные формы протеста, стратегию и тактику. Либеральное движение осуществляет лоббирование, петиции, обращение к законодателям, призывы голосовать определенным образом, судебные дела, повышения образования граждан. Вторая ветвь движения стремится получить власть в существующей системе, целью движения было изменение структуры таким образом, чтобы женщины как социальная группа имели другую идентификацию. Действия были направлены на изменение законов, институтов, структуры занятости.

В 80-х годах XX века распространяется анализ культурных проявлений общественных движений, к концептуальному арсеналу которого применяется концепт фрейминга как альтернативный концепт мобилизации ресурсов. Фрейминг определяется как процесс динамического символического конструирования общего видения внешнего (по отношению к общественному движению) мира и роли самого движения в этом мире. Фрейминг, как процесс, состоящий из трех элементов: диагностический (интерпретация ситуации, символическое конструирование конфликта), прогностический (механизмы разрешения конфликта), мотивационный (интерпретация стимулов, мотивирующих к коллективному действию)¹. Теория

¹ Халперн, Д. (2000). *Психология критического мышления*. Москва, 244.

социального конструктивизма определяет фреймы как стратегические усилия групп людей по конструированию схем понимания мира и самих себя, что легитимизирует и мотивирует коллективные действия. Трансформация фреймов создает новые ценности, верования, смыслы, способствующие участию в движении¹. В процессе трансформации возникают новые идентичности. Конструирование новых коллективных идентичностей приводит социальные изменения.

Для характеристики политических изменений можно использовать теорию относительной депривации. Если модель мобилизации ресурсов объясняет главным образом механизм формирования движения и роль их организаций, то понятие относительной депривации помогает интерпретировать причины возникновения движения. Для политического процесса необходимо понять причины его возникновения.

Кроме указанных теорий для исследования политических ресурсов можно также использовать общую теорию политического протеста. Понятие цикла протеста используется в теории политического движения для объяснения его общей логики, связи с другими движениями, использования сетей, опыта и ресурсов. Возникновение политического движения в большинстве стран происходит в периоды общего протеста и мобилизации, различные движения были связаны идеологическими или личными контактами.

Согласно современным теориям, политические движения являются истинной причиной, агентами (субъектами) политических изменений, а не только результатом самостоятельных исторических процессов. Они производят, конструируют, превращают и осуществляют революции, и их действия являются сознательными и творческими. Таким образом, они не появляются автоматически в нужный момент, а активно рекрутируют и мобилизуют своих сторонников, борются не только за результат, а и за особые цели, которые избираются сознательно.

В рамках системной теории общества политические движения квалифицируются как возмущение, патология, проявление беспорядка или политической дезорганизации; противостоять им или компенсировать их должны, уравнивающие политическую систему, механизмы.

В рамках современного подхода рационального выбора политические движения фигурируют как достаточно адекватные средства

¹ Тысячнюк, М. С. (2010). Новые подходы к анализу трансграничных общественных движений в условиях глобализации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3, 46.

достижения политических целей, как специфическая форма политических действий, которые направлены к достижению своих целей, когда у них нет обычных, институциональных возможностей для представительства своих интересов.

Б.Кландерманс считает, что повышенное внимание к теории мобилизации ресурсов политических процессов к проблеме их структуры ведет к отрицанию их индивидуального и социально – психологического измерения. Необходимо создать новую, модифицированную теорию с соответствующим подходом к мобилизации ресурсов. По его мнению, нужно покончить как с традиционными подходами к политическим изменениям, так с отрицанием только социально – психологического анализа по теории мобилизации ресурсов¹.

Фр.Миллер пытается обогатить теорию мобилизации ресурсов разработкой проблемы субъективного уровня. Он сосредоточился на двух процессах, решающих для реформаторских или революционных движений. Один – политизация, т.е. возложение всех недостатков на институциональные структуры, а не на лидеров. Другой – формирование мотиваций у участников, облегчающих их решение по главной задаче : привлекать к политическому движению новых сторонников и направлять их в определенном направлении. С этой точки зрения, в теориях, которые ориентируются на структурно-организационную сторону политических движений, должна быть восстановлена психологическая составляющая. Включение познавательных психологических посылок вместо побудительной терминологии в рамках теории мобилизации ресурсов должно помочь в прояснении как отношений между политическими движениями и обществом, так и процессов политического развития и роста самих движений.

Здесь, безусловно интересна мысль Р.Тернера, который пытался соединить теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов. Он признает успехи, достигнутые теорией мобилизации ресурсов, и противится желанию рассматривать ее непременно в качестве альтернативы более традиционному подходу, сторонниками которого является Блумер, Смелзер и другие. Р.Тернер считает, что теория мобилизации ресурсов вносит важный вклад в решение вопросов, которые остаются нерешенными в рамках ортодоксальной теории коллективного поведения То есть, полная и сбалансированная

¹ Цит. по Штомпка, П. (1996). *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект Пресс, 268.

теория политических движений должна включать в себя наиболее важные положения этих концепций¹.

По этому поводу, основатели теории мобилизации ресурсов Д.Макадам, Дж.Маккарти и М.Залд, указывают, что полное понимание динамики движения может быть достигнуто только при условии широкого концептуального видения нового и старого подходов. Они отрицают односторонние объяснения истоков политического движения «сверху» и «снизу» и считают, что между макроструктурными условиями и микродинамикой движений существует связь. Реальное действие осуществляется на третьем уровне, промежуточном – между индивидуальным и широким макроконтекстом, в котором закрепилось социально – политическое движение².

Такая тенденция к синтезу является наиболее адекватной современной политической ситуации в мире. Сочетание различных подходов позволит лучше понять политические закономерности, которые прячутся за возникновением, существованием и столкновением политических движений. Кроме того, это может обеспечить стратегическое направление исследовательского поля для попыток синтезировать оба подхода.

В качестве мобилизации ресурсов следует обратить внимание на организационные, информационные, материальные, стратегические, социальные, наличие лидеров. В теории мобилизации социальных ресурсов Н. Лина такими ресурсами являются богатство, власть и статус, а объем социального капитала актора рассчитывается как сумма ресурсов в собственности тех, с кем актер имеет прямые или косвенные связи³.

Таким образом, теория мобилизации ресурсов указывает на то, что любой политический процесс может достичь своей цели только при наличии необходимых ресурсов. Теория мобилизации ресурсов отражает тот факт, что для успешной реализации политической цели важны два условия – наличие ресурсов и недовольство людей.

¹ Цит. по: Штомпка, П. (1996). *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект Пресс, 276.

² Zald, M. (1987). *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick: Transactions books, 75.

³ Marsden, P. V., Lin, N. (1982). Social Resources and Instrumental Action. *Social Structure and Network Analysis*. Beverly Hills, CA: Sage, 131 – 145.

Ирина Забелина

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

On the modern stage of development of international relations more frequently the world runs exactly into such display of crisis situation as a military-political crisis. Current article analyzes such type of political crisis as military crisis. The specific signs of military-political crisis at the modern stage are described on the basis of their practical manifestation. Modern trends in development of social sciences stipulate the necessity of scientific rethinking of history in researches of political crisis theory, comprehension of problems of study of political crisis from positions of both fundamental and applied science, so in philosophical, socio-political and in a practical way.

Динамика процессов, происходящих в настоящее время, их негативная направленность и последствия свидетельствуют о важности и подчеркивают актуальность исследования политических кризисов, что обусловлено, прежде всего, тем, что в современных условиях возрастает количество политических кризисов, расширились их масштабы, усилилась их интенсивность. Военно-политическая обстановка сегодня отличается особым динамизмом, что связывается с тенденцией нарастания нестабильности на глобальном уровне. Такие процессы самым непосредственным образом испытывают на прочность каркас национально-государственной безопасности стране. Поэтому, возникает необходимость осмысления не только самого феномена политического кризиса, но и исследования видовой классификации политических кризисов с выделением их специфики проявления и разрешения. Это свидетельствует об актуальности темы, которая исследуется.

Объектом данной статьи являются современные проявления политические кризисы, а предметом – изучение военно-политических кризисов.

Следует отметить, что только на основе системного и всестороннего анализа и обобщения уже имеющихся теоретических разработок формируются новые научные концепции, и процесс изучения политического кризиса с этой точки зрения не является исключением. Современные тенденции в развитии общественных наук обуславливают необходимость научного комплексирования истории исследований теории политического кризиса, осмысление проблем изучения политического кризиса с позиций как фундаментальной, так и прикладной науки, как в общефилософском, социально-политическом, так и в практическом плане. Соответственно, целью

статьи является выделение специфических признаков военно-политического кризиса, на основе практического проявления на современном этапе.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи: дать понятие политического кризиса на основе различных подходов к его пониманию: выделить военно-политический кризис в отдельный вид в общей классификации и охарактеризовать специфические признаки данного вида кризиса.

Межгосударственным отношениям свойственна постоянная конфликтность, которая является выражением, своего рода функцией межгосударственной напряженности, вызываемой очередью столкновением национально-государственных интересов в различных сферах деятельности на международной арене. Каждая из исторически существовавших систем международных отношений развивалась под своим особым «знаком» межгосударственной напряженности. В связи с многообразием происходящих в мире процессов трудно утверждать с полной уверенностью, что обладаешь полным пониманием настоящего и ясной видимостью будущей политической истории.

Однако можно стремиться установить причинно-следственные связи происходящих событий и на этой основе прогнозировать будущие события¹.

После того как феномены социалистического содружества и Советского Союза отошли в историческое прошлое, в освободившемся геополитическом пространстве возник целый ряд суверенных государств, которые с присущей молодым социальным организациям политической энергией стали отстаивать свои национальные интересы, часто несовместимые с интересами других государств. Это явилось предпосылкой возникновения целого ряда военно-политических кризисов. Кризис это переворот, пора переходного состояния, перелом, состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы. Кризис проявляет скрытые конфликты и диспропорции.

Кризис, имеющий политический оттенок, может быть между государствами или внутри государства. Внутренний политический кризис – ситуация в государстве, которая сложилась из-за невозможности согласованных действий между политическими силами,

¹ Коваленко, А. (2012). Россия в условиях обострения военно-политической обстановки. *Сайт OpenTown.org*. <<http://www.opentown.org/news/1142/>>.

следствием чего является затруднение всех законотворческих процессов и ослабление государственного контроля. В двух словах это ситуация, когда нарушен баланс сил в стране или регионе и оппоненты обостряют конфликт, надеясь улучшить собственное положение.

Спектр этих кризисов настолько широк, что имеет в своей основе все известные причины военно-политических кризисов послевоенного периода: межгосударственное геополитическое соперничество, сепаратистские и автономистские движения, территориальные притязания, а также внутргосударственные конфликты и гражданские войны.

Кризис возникает вследствие предшествующего развития межгосударственного конфликта, как его острейшая фаза, означающая, что в своем развитии конфликт приобрел опасный характер, а использование широкого спектра экономических, политико-дипломатических, политико-психологических, идеологических, международно-правовых средств для разрешения противоречий не привело к успеху. В отличие от межгосударственных конфликтных отношений, которые имеют, как правило, длительный характер, кризис воспринимается как ряд событий, развивающихся нередко настолько стремительно, что это создает для военно-политического руководства впечатление неожиданности.

Кризис представляет собой поворотный пункт, своеобразный критический рубеж в эволюции межгосударственного конфликта, но не является его обязательной неизбежной фазой. Развитие конфликта доходит до нее далеко не всегда: его течение может длительное время оставаться латентным, не порождая непосредственно кризисных ситуаций. Не всегда является кризис и завершающей фазой конфликта: кризис преодолен, а межгосударственный конфликт на прежней причинной основе в целом сохраняется и возвращается к скрытому состоянию. При определенных обстоятельствах данный конфликт может вновь обнаружиться в кризисах разной степени остроты и масштабности. Соответственно в развитии межгосударственного конфликта иногда присутствует своеобразная цикличность.

Основные характеристики кризиса в решающей степени обусловлены его уникальным положением в системе межгосударственных конфликтных отношений, которое можно обозначить как состояние между миром и войной. С одной стороны, кризис остается во многом производным от соответствующих характеристик межгосударственного конфликта. С другой стороны, он приобретает

собственную логику развития, которая в дальнейшем может изменить все течение конфликта и перевести его в вооруженное противостояние.

В отличие от предкризисных конфликтных отношений в кризисе в наибольшей степени выявляются объективные и субъективные противоречия, существующие между государствами, причем экономические, политико-идеологические, территориальные, национальные, правовые, военно-стратегические и иные противоречия, лежащие в основе международного кризиса, приобретают ярко выраженный политический характер. Именно в фазе кризиса основное политическое противоречие достигает наибольшей остроты, раскрывая исторические корни разногласий и споров. Соответственно процесс исследования кризисов предполагает всесторонний исторический анализ докризисного развития конфликтных отношений.

Относительная самостоятельность межгосударственного военно-политического кризиса обуславливается также тем, что он в большей степени, чем любая другая фаза международного конфликта, развивается под воздействием субъективных факторов (личность лидеров; степень профессионализма политиков; их способность оценить кризисные события, адекватно прогнозировать возможное развитие ситуации). Важной его особенностью является и активная интернационализация межгосударственного конфликта в целом, что увеличивает вероятность повышения уровня его протекания в системе международных отношений, втягивания в его орбиту новых участников.

Характер военно-политических отношений между соперничающими государствами (коалициями государств), определяемый их состязанием в создании и поддержании направленных друг против друга военно-стратегических потенциалов (военной мощи).

Такие отношения включают создание и постоянное совершенствование нацеленных друг против друга вооруженных сил, борьбу за военное и военно-техническое превосходство, поддержание вооруженных сил и вооружений в более высокой боевой готовности по отношению к вероятному противнику.

Предусматривает:

- стремление к упреждению другой стороны в обновлении и создании более эффективных средств вооруженной борьбы (прежде всего ракетно-ядерного оружия и перспективных высокоточных систем вооружений);
- ведение активной разведки и контрразведки;

- проведение мероприятий по политической и военной изоляции другой стороны;
- создание условий для упреждающего развертывания вооруженных сил и своевременного (а для агрессора – внезапного) ввода их в действие.

Уровень военно-политического противостояния (противоборства) является одним из источников международной напряженности. В зависимости от целей проводимой различными государствами политики и конкретных условий военно-политической обстановки он постоянно изменяется. В мирное время военное противостояние обходится, как правило, без военных инцидентов, но может использоваться для оказания военного давления. С началом войны выливается в прямое противоборство сторон. В интересах укрепления международной безопасности одной из важных задач внешней политики является снижение уровня военно-политического противостояния.

К числу существенных характеристик военно-политического кризиса можно отнести такие:

– политическая характеристика предполагает, что лежащие в основе кризиса одно или несколько противоречий приобретают характер острой межгосударственной политической борьбы. Кризисное решение приходится принимать, как правило, в обстановке жесткой внутривластной борьбы, разногласий между различными ветвями власти, неоднозначного влияния общественного мнения. Военно-политическое руководство страны в процессе принятия решения находится и под воздействием ряда внешнеполитических факторов: важной для участника кризиса и не всегда предсказуемой реакции союзников и недружественных государств, а также ведущих держав мира, различных военно-блоковых союзов, глобальных, региональных, иных межгосударственных или общественных организаций и др.

– военный аспект кризиса обуславливается высокой вероятностью перерастания кризиса в вооруженный конфликт вследствие серьезных ошибок и просчетов, допущенных в ходе принятия решений, использованием военных средств, в том числе и в форме ограниченного вооруженного насилия, для принуждения оппонента к уступкам, возможностью утраты контроля над интенсивностью и масштабностью военных мер, их выходом за рамки принудительной кризисной дипломатии и др. Военный аспект характеризуется также непосредственным, а в отдельных ситуациях – решающим участием высшего военного руководства в принятии кризисного

решения, которое, как правило, возрастает в связи с различными военными мероприятиями, к которым прибегают противостоящие стороны в ходе кризисной дипломатии¹.

Основным инструментом принудительной кризисной дипломатии у противостоящих сторон является угроза развязывания широкомасштабного вооруженного конфликта в случае неуступчивости или чрезмерно жесткой позиции оппонента. Эта угроза в ходе своей реализации может принимать различные формы. К их числу, прежде всего, относятся ненасильственные военные меры (демонстрация военной силы, военные учения или маневры, частичная или полная мобилизация вооруженных сил, передислокация воинских частей, усиление пограничных войск на отдельных участках границы, упреждающее занятие спорных территорий войсками и т.д.), а также определенные насильственные военные действия (приграничные столкновения, пересечение границы ограниченными силами, нарушение воздушного пространства и бомбардировка отдельных объектов на территории оппонента, морские и воздушные инциденты, дозированные военные действия и т.д.), которые преследуют цель не развязать вооруженный конфликт, а уstrasить оппонента, принудить его к политико-дипломатическим уступкам, а в некоторых случаях – проверить его решимость отстаивать свои национальные интересы или взятые на себя обязательства. Применение вооруженной силы в качестве средства кризисной дипломатии находится, как правило, под жестким контролем политиков, стремящихся не допустить возникновения без необходимости полномасштабного вооруженного конфликта. Однако в силу собственной логики развития военных действий такая опасность постоянно присутствует при эскалации кризисной ситуации.

Содержание военно-политического кризиса наиболее полно характеризуют три признака. Во-первых, политики осознают, что реальное или потенциальное действие оппонента серьезно угрожает конкретным национальным интересам государства и его международному престижу. Кризис может вызываться одной угрозой, но чаще всего комбинацией подобных угроз. Во-вторых, политики осознают, что противостояние угрозе или угрозам, за исключением неприемлемой в большинстве случаев капитуляции, может при наихудшем исходе привести к ограниченному или крупномасштабному вооруженному конфликту. Вероятность войны обуславливает

¹ Лавренов, С. Я., Попов, И. М. (2003). *Советский Союз в локальных войнах и конфликтах*. Москва, Аспект, 276.

действия политиков в условиях постоянно осознаваемого, возрастающего риска и связанного с этим кризисного стресса. В-третьих, политики в ходе кризиса испытывают, как правило, нехватку времени на обдумывание и принятие конкретного кризисного решения, что усиливает политико-психологическое напряжение и может привести к серьезным просчетам в выборе военно-политического курса. Фактор давления времени особенно обостряется в условиях, когда стороны, одна или обе, убеждены в том, что преимущество первого действия может предоставить значительный военно-политический выигрыш. При этом наиболее значительное влияние оказывает скорее не реальная, а воображаемая ограниченность времени. Этому способствует и то, что необходимая информация нередко запаздывает, оказывается неполной для разработки, принятия и осуществления решения, что усиливает неопределенность в оценке обстановки и прогнозирования возможных вариантов ее развития.

Все эти обстоятельства, создавая так называемую «атмосферу кризиса», увеличивают риск неоправданного использования военной силы. В результате межгосударственный политический кризис выходит из-под контроля конфликтующих сторон и теряет управляемость, из-за чего резко возрастает вероятность перехода к вооруженному конфликту.

В развитии военно-политического кризиса намечается ряд этапов, которые в определенной своей части охватывают и стадии предшествующего межгосударственного конфликта. В предкризисный период одна из сторон, как правило, проявляет неудовлетворенность существующим статус-кво, одновременно стремясь изменить его «мягкими» конфликтными методами (предупреждениями, заявлениями, попытками переговорного процесса и др.). За этим следует вызов (вербальное и/или практическое действие), которое воспринимается как угроза конкретным национальным интересам и вызывает противодействие оппонента. Наступает период конфронтации, характеризующийся ростом напряженности и растущим доминированием принудительной стратегии, когда каждая сторона занимает жесткую позицию и пытается добиться преимущества в межгосударственном споре. Этот этап может перерасти в вооруженный конфликт или завершиться деэскалацией – в том случае, когда соотношение сил складывается явно не в пользу одной из сторон или оба участника решают отступить во избежание вооруженного конфликта. Тогда примирительная стратегия становится главен-

ствующей, хотя продолжают сохраняться и некоторые элементы принудительной тактики¹.

На возникновение и протекание кризиса существенное влияние оказывает ряд факторов и условий: географическое положение страны (размер территории, характер и протяженность границ, климатическая зона и т.д.), природные ресурсы (включая обеспеченность не только полезными ископаемыми, но и продовольствием), экономический потенциал (валовой национальный продукт, промышленный потенциал, темпы роста производства и производительности труда и т.д.), внешнеторговый и платежный баланс, военная мощь (объем военных расходов, общий военно-технический уровень, количество и качество вооруженных сил, качество командования ими), население (его численность, структура занятости, общая демографическая тенденция), морально-политические факторы (качественная сторона жизни общества, степень морально-политического единства, степень поддержки правительства населением), качество дипломатии (активность, изобретательность, степень ее воздействия на мировое общественное мнение), качество управления страной (сбалансированность политики и ресурсов для ее осуществления, степень согласованности между внутренней и внешней политикой), уровень развития науки и техники, темпы нововведений и т.п.

Военно-политический кризис может быть определен как наиболее острая фаза предшествующих конфликтных отношений между государствами, характеризующаяся враждебным взаимодействием между правительствами двух и более стран в результате выдвинутой одним из них угрозы важным национальным интересам оппонентов; он происходит в обстановке высоковероятного развязывания вооруженного конфликта или войны, который сопутствует так называемая «атмосфера кризиса»: дефицит времени, предоставленного для принятия кризисных решений; неопределенность обстановки, вызванной прежде всего трудной прогнозируемостью возможных действий оппонента: неполнота, а нередко и противоречивость поступающей информации, что обуславливает высокий уровень стресса, в котором приходится действовать руководству государств-участников.

Сущностные характеристики военно-политического кризиса позволяют отличить его от других межгосударственных кризисных ситуаций, таких как дипломатические кризисы, проявляющиеся в

¹ Лавренов, С. Я., Попов, И. М. (2003). *Советский Союз в локальных войнах и конфликтах*. Москва, Аспект, 278.

направлении жестких дипломатических нот, выдворении ряда дипломатических сотрудников зарубежной страны и даже в разрыве дипломатических отношений. В отдельных случаях дипломатический кризис является лишь одним из проявлений назревающего военно-политического кризиса. Однако нередко дипломатический кризис проходит без военно-политических последствий и завершается постепенной нормализацией двусторонних отношений. Причиной этого является, как правило, неравенство в соотношении государственной мощи оппонентов, отсутствие выгод от ухудшения двусторонних отношений, не столь высокая значимость проблемы, вокруг которой возник межгосударственный спор и др.

Поскольку военные действия в ходе кризиса применяются прежде всего как средство давления на оппонента с целью добиться от него уступок или капитуляции по спорным вопросам без вооруженного конфликта или войны, именно на этой стадии нередко обостряются отношения между политическим и военным руководством страны, прежде всего из-за расходящегося функционального предназначения государственных ведомств. Если политики чаще всего стремятся ограничиться военно-политическим давлением на оппонента, не переходя грань вооруженного конфликта, то военные озабочены всесторонней подготовкой к нему (частичная или полная мобилизация, передислокация войск и т.д.), что, в свою очередь, вызывает ответную реакцию оппонента, повышает вероятность вхождения в вооруженный конфликт.

Опасность утраты контроля над происходящими событиями может быть обусловлена также и тем, что демонстрация военной силы, призванная показать политическую решительность государственного руководства, принимает не только пассивные, но и активные формы в виде ограниченных вооруженных рейдов, преднамеренных пограничных столкновений и др. – то есть охватывает широкий набор политических и военных средств, приводящих к развитию кризиса по принципу «балансирования на грани войны» или «постепенного стягивания в вооруженный конфликт».

Иначе складывается ситуация лишь тогда, когда кризис инициируется преднамеренно для оправдания уже подготовленной агрессии. В этих случаях, сразу же после обнаружения или создания повода для войны, фаза военно-политического давления на оппонента не актуализируется, военные действия используются для достижения победы в вооруженном конфликте в кратчайшие сроки.

Таким образом, к основным признакам, которые свидетельствуют о том, что конфликтная ситуация перерастает в военно-

политический кризис следует отнести постепенную утрату контроля высшего политического руководства над целенаправленностью и масштабами проводимой в рамках кризисной политики военной операции; настойчивый отказ одного из участников кризиса от компромиссного примирения; возрастающее влияние высшего военного руководства на процесс принятия дальнейших кризисных решений; корректировка планов ведения боевых действий на случай перерастания кризиса в вооруженный конфликт или войну; отбор и подготовка для решения этой задачи соответствующих воинских контингентов и др.

ARTICLE REVIEW

**Vladimir Antipenko,
Olga Shirokova-Murarash**

INTERNATIONAL CANON LAW: ACTUAL PROGNOSTICS OF THE CIVILIZATIONAL SCOPE¹

The topic of the Peace of Westphalia of 1648, which has established in its treaties the first in the history of humanity universal legal order, remains one of the most popular issues under discussion in theory and history of international law. The interest of international law lawyers to this topic logically increased in the end of XX – the beginning of XXI centuries. For instance, in the opinion of Professor T. Zonova «the Westphalian system in the modern political discourse is rather conditional, politicized and ideologised notion»². The collapse of the socialist system in 1990s and the end of bipolar confrontation gave rise to the idea among scholars not only about the need to review decisions of Yalta and Potsdam system but also about the disintegration of the world model. The latter was created on the ground of the Westphalian configuration of international law and was resting upon such key categories as sovereignty, sovereign equality and law of international treaties. However, in 2000s the situation has started to change, an order for conceptions of traditional sovereignty in counterbalance to globalization of the world has appeared. This has led to new discussions on the issue that the Westphalian system is in normal state, and sovereignty is still a foundation of international politics³.

¹ Article review: Dmytriev, A. I. (2013). The Peace of Westphalia of 1648 as a Branch-wise Foundation of International Canon Law. *Український часопис міжнародного права*, 3, 9 – 15.

² Вестфальский мир: межкафедральный «круглый стол» в МГИМО(У) МИД России 27 февраля 2008 г. *Вестник МГИМО*. <http://vestnik-old.mgimo.ru/files-server/01/vestnik_01-10.pdf>.

³ Фельдман, Д. М., Барабанов, О. Н. (2007). Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... *Международные процессы*, 5, 3, 104 – 113.

Some scholars express an opinion that participants of the Congress in Munster and Osnabruck did not intend to create a special system but merely in the spirit of the age reallocated influence and territories between the parties of the Thirty Years' War. Time has however showed the genius of founders of the Westphalian configuration of international law, which is that through the principle of sovereignty they laid the foundations of the new political system as well as the possibility of further evolution of universal legal order in the form of three (after the Westphalian one) modifications: the Pentarchy (1815), the League of Nations (1919), and the United Nations (1945).

The initial model was subjected to significant changes what has led to the discussion on the topic «whether there was a boy» – Westphal. The Russian scholar M. Lebedeva argues that «a boy» was, has grown up and developed but today he is becoming an old man, who with difficulties but so far copes with modern challenges¹.

The scientific world celebrated the 365th anniversary of the Peace of Westphalia with round tables, discussions, new articles – with all those forms that present the charm of intelligent communication. Such interest to the Westphalian Peace of 1648 confirms justifiability of its proposed world model. Today, in the opinion of the famous historian of international law D. Feldman, there is an update of the Westphalian system going on, and principles and norms, which were formed in its framework, are developing and obtaining something new. The scope of sovereignty, form of its content and realization are changing. Therefore, it is more proper to talk not on the «erosion» of the Peace of Westphalia of 1648 but rather about growing pains. As D. Feldman has figuratively expressed himself, «even if Westphal is sick, then the sick «is rather alive than dead», and he can fully count on his centuries-old longevity»².

Overall, the topic of the Westphalian system, its liveness is actual and it is possible to welcome the attention to this topic of the famous scholar, international law lawyer, representative of Kiev international law school A.I. Dmitriev. In his famous in the scientific circles treatise «The Westphalian Peace of 1648 and Modern International Law»³ the author reveals the history of formation of the first universal international legal

¹ Лебедева, М. М. (2008). Что угрожает Вестфалю? *Международные процессы*, 6, 1, 117 – 121. <<http://www.intertrends.ru/sixteenth/015.htm>>.

² Фельдман, Д. М., Барабанов, О. Н. (2007). Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... *Международные процессы*, 5, 3, 104 – 113.

³ Дмитрієв, А. І. (2001). *Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право*. Київ.

order and creation of the qualitatively new – Westphalian configuration of international law.

The peculiarity of scientific ventures of A.I. Dmitriev is a deep and comprehensive analysis of treaties of the period of Westphal and well-reasoned conclusion that exactly their provisions contain the roots of many international law institutions. In particular, this relates to institutions of international legal recognition, peaceful means of settlement of international disputes, responsibility in international law, guarantees of compliance with international agreements, international legal ensuring of such human rights as freedom of religion and related to is «associated rights» to freedom of exit and change of place of residence based on confessional affiliation.

Very much keen on his work, A.I. Dmitriev continues studying the phenomenon of the Westphalian Peace, introducing a new idea on the issue of the role of Westphal in developing international law. In the reviewed article the scholar states that «the Peace of Westphalia of 1648 laid the foundations of a new branch of international law, which nowadays can be defined as international canon law, regulating the unique complex of interrelated international relations: secular and canon». Speaking of separation of the new branch of international law, A.I. Dmitriev urges to rethink once again some seemingly well-established notions.

The view of historians of international law on the great role of church in formation and development of international law is universally recognised. For instance, A. Merezhko reminds that the European science of international law appeared and developed in the bosom of the Catholic Church and its theological thought, owing to that international law was called the law of «Christian peoples»¹.

The attention to canon law in the context of international law is quite actual. Recently rising of the interest to Christianity and religious canons in Europe, Ukraine and Russia has been observed, what is related to the increased activity of hierarchs of the church as well as to the increased church participation in international and social life. History shows that canon law in the Middle Ages took the unique niche among legal systems, which flourished during the late Middle Ages. While most of legal systems were limited to a separate region of Europe or location, canon law gained the force and besides quite effectively played the role of international law. Some modern authors propose a thesis that appealing to research of canon law is one of possibilities to demonstrate in the period

¹ Мережко, О. (2010). *Проблеми теорії міжнародного публічного та приватного права*. Київ: Юстиніан, 156.

of modern integration of Europe the first (medieval) stage of evolution of European law¹.

Therefore, the actuality of studied issue is supported by the traditional view that canon law during the Middle Ages played a peculiar role of international law on major part of the territory of Europe, on the one hand, and is related to the increase in the activity of church figures in modern international and social processes, on the other hand.

Notwithstanding the existing traditional view that the Westphalian Peace dealt a crushing blow to the Catholic Church, the author on the ground of deep analysis of the provisions of Augsburg (1555), Osnabruck and Munster (1648) Treaties proposes a fresh, probably, disputable but quite well-reasoned concept about formation of branch-wise criteria of international canon law under conditions of the Westphalian configuration of international law. A.I. Dmitriev refers to such criteria the following: peculiarities of object of legal regulation, specified by the complex of interrelated secular and canon international relations in Europe in the first part of XVII century; the existence of object institutes in the area, which are defined by the «Augsburg confessions» – Catholicism and Lutheranism; significant for that historical epoch scope of normative material that was defined by Osnabruck and Munster Peace Treaties; the interest of European countries and imperial estates in the establishment of legitimacy of special secular and canon relations exactly by international law; formation of such special branch-wise principles as: principle of legitimacy; principle of equality; principle of spiritual unity; principle of tolerance; principle of preservation of peace; principle of distribution of spheres of influence in secular and canon relations; principle of respect for human rights in the sphere of religious freedoms and so forth. Overall, the author concludes that the aforementioned principles of international canon law set the rules of conduct between subjects of secular and canon relations and define the mechanisms of regulation of tolerant interrelation between them for the benefit of civilizational development.

Will it be lawful to talk about the emergence of the new branch named international canon law? For that, it is necessary to examine what the essence of the notion of canon law is. History demonstrates that after the Congress of Westphalia (1643-1648) with the weakening of secular power of pontificate the church jurisdiction was limited, and canon law was growingly approaching the church law itself. The modern canon law is a set of canons as religious and legal provisions, regulating primarily

¹ Плешков, Е. В. (2002). *Каноническое право средневековой Европы*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Ставрополь.

relations inside the church organisation and matters of marriage. It does not cover all the complex of public relations but merely formulate some principles, which secular law has to validate for respect for Christian morality, and which believers have to follow. As any confessional law, canon law of the Catholic Church is not territorial but personal, that is appealing to a certain person. At the same time, it is now one of the world legal systems, which influences tens of states¹.

Thus, we see that modern canon law addresses primarily regulation of relations inside the church organization. If we talk about public relations, most of them regulates marriage and family sphere. The question arises – would not formulating of international canon law as a complex of rules of conduct, regulating the sphere of interrelation between subjects of secular and canon relations go beyond the universally accepted understanding of the essence of canon law and even partially contradict it? And since canon law, as was already mentioned above, is not territorial but personal, would it be appropriate to name it international?

At the same time the idea of unity of peoples on the ground of spiritual values of Christianity is as historically justified as actual nowadays – for instance, in the light of coexistence of Catholic and Orthodox worlds on the principles of brotherhood, mercy and love, what has to promote more effective mutual understanding between representatives of different peoples and cultures, preservation of peace and security. The separation of the new branch of international canon law is consonant with religious conceptions of international law, among which researchers name Catholic, Orthodox and Muslim².

All this, notwithstanding the arisen questions, makes the research of A.I. Dmitriev scientifically justified, demanded and welcoming to polemics. Moreover, the conception on the emergence of international canon law in the Treaties of the Peace of Westphalia of 1648, on the one hand, confirms the viability of the Westphalian system, on the other hand, in the opinion of the author himself, it requires further systematic and thorough scientific research.

¹ Ватикан. *VuzLib – экономико-правовая библиотека*. <http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1290.html>.

² Мережко, О. (2010). *Проблеми теорії міжнародного публічного та приватного права*. Київ: Юстиніан.

Bibliography:

1. Ватикан. *VuzLib – економіко-правовая бібліотека*. <http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1290.html>.
2. Вестфальський мир: міжкафедральний «круглий стіл» в МГІМО(У) МІД Росії 27 лютого 2008 г. *Вестник МГІМО*. <http://vestnik-old.mgimo.ru/file-server/01/vestnik_01-10.pdf>.
3. Дмитрієв, А. І. (2001). *Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право*. Київ.
4. Лебедева, М. М. (2008). Что угрожает Вестфалю? *Международные процессы*, 6, 1, 117 – 121. <<http://www.intertrends.ru/sixteenth/015.htm>>.
5. Мережко, О. (2010). *Проблеми теорії міжнародного публічного та приватного права*. Київ: Юстиніан, 156.
6. Плешков, Е. В. (2002). *Каноническое право средневековой Европы*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Ставрополь.
7. Фельдман, Д. М., Барабанов, О. Н. (2007). Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... *Международные процессы*, 5, 3, 104 – 113.

Requirements to manuscripts

Become a Contributor for the Journal

EUROPEAN POLITICAL AND LAW DISCOURSE

The Journal is issued 6 times per year.

Page Limit is 10 – 30 pages.

The language of articles is English, French, German, Czech, and Russian.

For an article in any language, the following is required in English: an abstract (400-500 characters), a title of the article and complete data of an author – full first and last name, academic title, academic degree, position, and place of employment.

Footnotes are allowed, no endnotes.

Bibliography after the article is optional.

Bibliography should be arranged in accordance with the agreements of the American Psychological Association (APA).

Illustrations to articles (graphics and images) should be submitted in the TIFF or JPEG format (each image in a separate file). While preparing illustrations authors should take into account that colour printing is not available in the Journal.

The editorial board do not register and do not review for publication manuscripts that do not comply with the aforementioned requirements.

Address for service:

E-mail: eppd13@gmail.com
ediskurs@gmail.com
Web: eppd13.cz

Mailing Address:

Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,
okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Samples of bibliography formatting in accordance with the APA (American Psychological Association) Agreements in comparison to State Standard of Russia and Ukraine 7.1:2006:

1. For reference to a book as a whole:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат.

For reference to page 173:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат, 173.

[Reference according to the State Standard: Абчук В. А. Введение в теорию выработки решений / В. А. Абчук, Л. А. Емельянов, Ф. А. Матвейчук, и др. – М. : Воениздат, 1972. – 342 с.]

2. For reference to a book as a whole:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс.

For reference to pages 13-15:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс, 13–15.

[Reference according to the State Standard: Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и др.; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.]

3. Гарбузов, В.Н., Попович, А.П. (2002). Губернатор штата: статус и полномочия *США. Канада: Экономика, политика, культура*, 7, 55–70.

[Reference according to the State Standard: Гарбузов В. Н. Губернатор штата: статус и полномочия / В. Н. Гарбузов, А. П. Попович // США. Канада : Экономика, политика, культура. – 2002. – №7. – С. 55-70.]

4. Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени*. Москва: Юрист. [Reference according to the State Standard: Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.]

5. Nigro, F., Nigro, L. (1970). *Modern Public Administration*. New York: Harper and Row. [Reference according to the State Standard: Nigro F. Modern Public Administration / F. Nigro, L. Nigro. – New York : Harper and Row, 1970.]

6. Rosenau, J. N. (2004). Governance. In T. J. Sinclair (Ed.), *Global Governance. Critical Concepts in Political Science, 1*, (p. 405). London, New York. [Reference according to the State Standard: Rosenau J. N. Governance / J. N. Rosenau // Global Governance. Critical Concepts in Political Science ; ed. by T. J. Sinclair. – London : New York, 2004. – Vol. 1. – P. 405.]

7. For referring to materials of websites, a reference includes name of the author, the title of webpage, *the title of website (in italics)*, the address of website (URL) given in symbols < >, and possibly the date of last visit to website in parentheses:

Монтескье Ш. Избранные произведения. О духе законов. *Электронная библиотека bookZ.ru*. <http://bookz.ru/authors/montesk_e-6arl_-lui/montes01/1-montes01.html> (2013, ноябрь, 21)

8. References to legislative acts and legal documents:

Treaties

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR). <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, November 21),

Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года) 999 Сборник договоров ООН (МПГПП). <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> (2013, 21)

For reference to an article in a Convention:

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR) art 2. <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21)

Резолюція 2061 (ухвалена 25 липня 2012 року) РБ ООН. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_k87> (2013, ноябрь, 21)

Bilateral Treaties:

Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про співробітництво в галузі авіаційного пошуку і рятування (Угоду затверджено Постановою КМ № 1094 від 28.11.2012) (прийнята 28 листопада 2012 року, набрала чинності для України 18 лютого 2013 року). *Офіційний вісник України*, 29, 130.

Agreement Concerning the Sojourn of Refugees within the Meaning of the Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva Convention of 28 July 1951 and Protocol Relating to the Status of Refugees of 31 January 1967)

(France – Austria) (adopted 21 October 1974, entered into force 24 July 1975) 985 UNTS 303.

ILO Recommendations:

МОТ Рекомендация № 195 (О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение) (92 сессия Генеральной конференции МОТ, 17 июня 2004 года). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/993_532> (2013, ноябрь, 21).

UN Documents

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, ГА ООН Резолюция 1514 (XV) (14 декабря 1960 года)

UNGA Res 51/210 (17 December 1996) UN Doc A/RES/51/210. <<http://www.un.org/documents/ga/res/51/a51r210.htm>> (2013, ноябрь, 21)

Judicial Documents

ICJ Documents

Land, Island and Maritime Frontier Case (El Salvador/Honduras, Nicaragua intervening) (Application for Intervention) [1990] ICJ Rep 92 <<http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=390&code=sh&p1=3&p2=3&case=75&k=0e&p3=5>> (21 July 2013).

Legal Consequences of the Construction of a Wall (Advisory Opinion) 2004 <<http://www.icj-cij.org/icjwww/idocket/imwp/imwpframe.htm>> (21 July 2013).

Case Concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Germany v USA) (Request for the Indication of Provisional Measures: Order) General List No 104 [1999] ICJ 1.

ECHR Cases:

(before Oct. 31 1998)

Delta v. France (Article 50), 30 January 1990, § 38, Series A no. 191-A

Allenet de Ribemont v. France (interpretation), 7 August 1996, § 17, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III

Garnieri v. Italy, no. 22256/88, Commission decision of 18 May 1992, unreported

(beginning November 1, 1998)

Campbell v. Ireland, no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland [GC], no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (dec.), no. 45678/98, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (dec.) [GC], no. 45678/98, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (preliminary objections), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (just satisfaction), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Judgements of National Courts:

Дело о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда (постановление), № 16-П, КС РФ 2013. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148711/> (21, July, 2013).

Справа за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) статей 103, 109, 131, 132, 135, 136, 137, підпункту 1 пункту 2 розділу XII «Прикінцеві положення», абзацу четвертого пункту 3, абзацу четвертого пункту 5 розділу XIII «Перехідні положення» Закону України «Про судоустрій і статус суддів», № 1-1/2013, КСУ 2013.

Laws and so forth

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний вісник України, 19, 194.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/606-14>> (2013, ноябрь, 21).

Цивільний кодекс 2003 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21).

Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007 (Кабінет Міністрів України). Офіційний вісник України, 89, 89.

Reference to an article in a Code, Law, Constitution, etc.

Цивільний кодекс, ст. 56, гл. 6 (2003) (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21)

Требования к рукописям

Приглашаем к сотрудничеству в журнале

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

Журнал издается 6 раз в год.

Объем – 10 – 30 стр.

Язык статей – английский, французский, немецкий,
чешский, русский.

Для статьи на любом языке обязательны на английском языке:
аннотация объемом 400-500 символов, название статьи и полные
сведения об авторе: полные ФИО, звания, степени, должность,
место работы.

Сноски – постраничные

Список литературы в конце статьи – факультативно.

Библиографические описания источников и литературы должны быть
оформлены согласно соглашениям APA (American Psychological Association).

Иллюстрации к статьям (графика и рисунки) подаются в формате
TIFF или JPEG (каждый рисунок в отдельном файле).

При подготовке иллюстраций следует иметь в виду,
что в журнале не используется цветная печать.

Рукописи, которые не отвечают этим техническим требованиям,
редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Адреса для переписки:

E-mail: eppd13@gmail.com
ediskurs@gmail.com

Web: eppd13.cz

Почтовый адрес:

Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,
okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Образцы оформления библиографического описания источников и литературы согласно соглашениям АРА (American Psychological Association) в сравнении с ДСТУ ГОСТ 7.1:2006:

1. При ссылке на книгу целиком:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат.

При ссылке на страницу 173:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат, 173.

[Исходник по ГОСТу: Абчук В. А. Введение в теорию выработки решений / В. А. Абчук, Л. А. Емельянов, Ф. А. Матвейчук, и др. – М. : Воениздат, 1972. – 342 с.]

2. При ссылке на книгу целиком:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс.

При ссылке на страницы 13-15:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс, 13–15.

[Исходник по ГОСТу: Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и др.; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.]

3. Гарбузов, В.Н., Попович, А.П. (2002). Губернатор штата: статус и полномочия *США. Канада: Экономика, политика, культура*, 7, 55–70. [Исходник по ГОСТу: Гарбузов В. Н. Губернатор штата: статус и полномочия / В. Н. Гарбузов, А. П. Попович // США. Канада : Экономика, политика, культура. – 2002. – №7. – С. 55-70.]

4. Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени*. Москва: Юрист. [Исходник по ГОСТу: Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.]

5. Nigro, F., Nigro, L. (1970). *Modern Public Administration*. New York: Harper and Row. [Исходник по ГОСТу: Nigro F. Modern Public Administration / F. Nigro, L. Nigro. – New York : Harper and Row, 1970.]

6. Rosenau, J. N. (2004). Governance. In T. J. Sinclair (Ed.), *Global Governance. Critical Concepts in Political Science*, 1, (p. 405).

London, New York. [Исходник по ГОСТу: Rosenau J. N. Governance / J. N. Rosenau // Global Governance. Critical Concepts in Political Science ; ed. by T. J. Sinclair. – London : New York, 2004. – Vol. 1. – P. 405.]

7. При оформлении ссылки на материалы web-сайтов ссылка включает имя автора страницы, название страницы, *название сайта (набирается курсивом)*, адреса сайта (URL), выделенного знаками <>, и, по возможности, даты последнего просмотра сайта автором ссылки в круглых скобках:

Монтескье Ш. Избранные произведения. О духе законов. *Электронная библиотека bookZ.ru*. <http://bookz.ru/authors/montesk_e-6arl_-lui/montes01/1-montes01.html> (2013, ноябрь, 21)

8. Ссылки на законодательные акты и правовые документы:

Договоры

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR). <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21),

Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года) 999 Сборник договоров ООН (МПГПП). <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> (2013, ноябрь, 21)

При ссылке на статью Конвенции:

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR) art 2. <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21)

Резолюція 2061 (ухвалена 25 липня 2012 року) РБ ООН. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_k87> (2013, ноябрь, 21)

Двусторонние договоры:

Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про співробітництво в галузі авіаційного пошуку і рятування (Угоду затверджено Постановою КМ № 1094 від 28.11.2012) (прийнята 28 листопада 2012 року, набрала чинності для України 18 лютого 2013 року). *Офіційний вісник України*, 29, 130.

Agreement Concerning the Sojourn of Refugees within the Meaning of the Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva Convention of 28 July 1951 and Protocol Relating to the Status of Refugees of 31 January 1967)

(France – Austria) (adopted 21 October 1974, entered into force 24 July 1975)
985 UNTS 303.

Рекомендации МОТ:

МОТ Рекомендация № 195 (О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение) (92 сессия Генеральной конференции МОТ, 17 июня 2004 года). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/993_532> (2013, ноябрь, 21).

Документы ООН

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, ГА ООН Резолюция 1514 (XV) (14 декабря 1960 года)

UNGA Res 51/210 (17 December 1996) UN Doc A/RES/51/210. <<http://www.un.org/documents/ga/res/51/a51r210.htm>> (2013, ноябрь, 21)

Документы судов

Документы Международного суда

Land, Island and Maritime Frontier Case (El Salvador/Honduras, Nicaragua intervening) (Application for Intervention) [1990] ICJ Rep 92 <<http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=390&code=sh&p1=3&p2=3&case=75&k=0e&p3=5>> (21 July 2013).

Legal Consequences of the Construction of a Wall (Advisory Opinion) 2004 <<http://www.icj-cij.org/icjwww/idocket/imwp/imwpframe.htm>> (21 July 2013).

Case Concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Germany v USA) (Request for the Indication of Provisional Measures: Order) General List No 104 [1999] ICJ 1.

Дела ЕСПЧ:

(до 31 октября 1998 года)

Delta v. France (Article 50), 30 January 1990, § 38, Series A no. 191-A
Allenet de Ribemont v. France (interpretation), 7 August 1996, § 17, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III

Garnieri v. Italy, no. 22256/88, Commission decision of 18 May 1992, unreported

(с 1 ноября 1998 года)

Постановление Палаты ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы для рассмотрения по существу [Judgment on the merits delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland, no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы для рассмотрения по существу [Judgment on the merits delivered by the Grand Chamber]

Campbell v. Ireland [GC], no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Решение Палаты ЕСПЧ о признании жалобы приемлемой [Decision on admissibility delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (dec.), no. 45678/98, ECHR 1999-II

Решение Большой Палаты ЕСПЧ о признании жалобы приемлемой [Decision on admissibility delivered by the Grand Chamber]

Campbell v. Ireland (dec.) [GC], no. 45678/98, ECHR 1999-II

Постановление Палаты ЕСПЧ по предварительному возражению [Judgment on preliminary objections delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (preliminary objections), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Постановление Палаты ЕСПЧ по вопросу о выплате справедливой компенсации [Judgment on just satisfaction delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (just satisfaction), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Судебные решения отдельных стран:

Дело о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда (постановление), № 16-П, КС РФ 2013. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148711/> (21, July, 2013).

Справа за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) статей 103, 109, 131, 132, 135, 136, 137, підпункту 1 пункту 2 розділу XII «Прикінцеві положення», абзацу четвертого пункту 3, абзацу четвертого пункту 5 розділу XIII «Перехідні положення» Закону України «Про судоустрій і статус суддів», № 1-1/2013, КСУ 2013.

Законы и т.п.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний вісник України, 19, 194.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/606-14>> (2013, ноябрь, 21).

Цивільний кодекс 2003 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21).

Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007 (Кабінет Міністрів України). *Офіційний вісник України*, 89, 89.

Ссылка на статью кодекса, закона, конституции и т.п.

Цивільний кодекс, ст. 56, гл. 6 (2003) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. < <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21)